

На расстоянии вакуума

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

автор: John Hall
бета: Poliana Snape

18+

John Hall

На расстоянии вакуума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015386

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассуждения того, кто оказался на расстоянии продолжительностью в вакуум.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
1	10
Запись номер 2	13
Третья	19
4	22
Пять	27
6	34
Седьмая аудиозаписка	39
Кажется, девятая... или восьмая. Точно, восьмая!	42
Ещё один день	44
9	47
Одиннадцатая звукозапись	50
Запись не пронумерована	58
Тринадцатый номер	70
Эм... четырнадцатый	87
Пятнадцатая запись в моем космическом аудио-дневнике	98
Шестнадцатая	126
Семнадцатая запись	150
Послесловие	152

John Hall

На расстоянии вакуума

Пролог

Ещё сегодня утром я был нормальным человеком. Ещё утром я предвкушал своё будущее, но всего полчаса назад все закончилось.

Я на околоземной орбите. Тридцать минут назад я стал свидетелем конца. Одну тысячу восемьсот секунд назад я видел, как ракеты взмыли в воздух с разных частей планеты... Сейчас я вижу только пыль, что плотным туманом окутала уже мой бывший дом.

Переместимся немного назад во времени. Я все ещё на Земле. Меня упаковали в скафандр, приготовили к отправке в космос, в эту чёрную холодную глотку, в этот расширяющийся желудок жиртреста. Меня посадили в ракету, подключили, зафиксировали и сказали что-то типа: «Этот полет в космос, он очень важен для нашего народа! Мы верим в тебя!»

Примерно через час подо мной взревела турбина. Она изрыгала огонь, она поглощала кислород... Такой родной и необходимый мне кислород.

До этого голос диктора отсчитал от десяти до нуля.

Десять: я вернусь домой по окончании экспедиции.

Девять: это очень важная экспедиция.

Восемь: мама уже гордится мной.

Семь: теперь отец сможет похвастать перед друзьями.

Шесть: мое имя войдёт в историю, оно будет вписано в учебники.

Пять: даже если что-то пойдёт не так, я превращусь в горстку пепла, так и не успев ничего понять.

Четыре: все будет хорошо.

Три: мне не страшно!

Два: давай-давай-давай!

Один: ВРУБА-А-А!..

Ноль: А-А-А-А!

Двигатель ревет. Все те конструкции, что удерживали ра-

кету в вертикальном положении, отваливаются. Меня вдавливают в кресло пилота. Дыхание спирает. Перегрузки круче, чем на подготовке!

«Это самый крутой аттракцион, на котором только можно прокатиться», – думаю я и продолжаю дико орать. Диктор перечисляет количество пройденных километров. Он сообщает мне, как далека родная трава у отчего дома. Я отдаляюсь от человечества. Каждая секунда прибавляет километры дистанции между нами, между человечеством и мной. Диктор говорит об отходящих от ракеты ступенях и сообщает, что все идёт по плану. Система жизнеобеспечения пищит, трещит и звенит. Голос робота говорит мне о тех действиях, которые я должен совершать, чтобы достигнуть космоса.

Облака далеко позади. Я вижу чистый голубой цвет, и чем выше меня поднимают рокот двигателя и пламя, тем чище становится этот цвет, тем глубже небеса и ближе бесконечность. Здесь нет ничего, кроме неба... Никакого рая.

Становится все темнее. Снаружи холодно. А я смотрю вперёд. Передо мной вязкое пространство. словно я ныряю куда-то вверх, в другой океан, что гораздо больше того, который я оставил позади, на Земле. Там же, на Земле, остались вязкие моря мыслей и переживаний людей. Там остались реки мимолетных желаний и странных поступков. Это все осталось на Земле.

И вот ракета преодолевает барьер атмосферы. Больше ничего не тянет вниз. Я поднимаюсь на самый верх нашего ма-

ленького мира и повисаю на вершине без возможности спуститься вниз... но в этот момент я об этом ещё не знаю.

Система жизнеобеспечения сообщает о том, что все в порядке; система безопасности, пройдя все тесты, ослабляет ремни и даёт разрешение на освобождение от их плена. Я отстегиваюсь и поднимаюсь наверх. В этом месте нет гравитации, и именно поэтому я поднимаюсь вверх и направляюсь на поиски иллюминатора, через который я смогу увидеть родную планету. Связь с Землёй оборвалась, но я думаю, что это временное явление. Секундное... минутное помутнение сигнала.

– Меня кто-нибудь слышит? Алло! Ответьте! Земля, ответьте! – произношу я в микрофон, что вмонтирован в шлем скафандра.

– Спасибо за службу! – появляется голос диктора и пропадает в следующий миг. Теперь лишь белый шум поёт мне свою тягучую песню.

Я нахожу иллюминатор, сквозь который виден мой недавно покинутый дом. Я вижу нечто странное. Большое серо-коричневое пятно. Оно закрывает часть территории.

Присмотревшись, я замечаю, как с разных сторон планеты движутся какие-то линии. Они пересекают большую часть Земли, и тут все становится ясным – как вчерашний, но не завтрашний день. Завтрашнего дня больше нет.

Сейчас я вижу лишь пыль. Вот во что в конце концов превратился наш Мир – в пыль. Она, пыль, сдерживается в фор-

ме геоида и продолжает своё существование на просторах бесконечности. То, что осталось от человечества, весь этот пепел, смешанный с ядерными отходами, все это осталось на своём месте, в планетарной системе, но теперь не выбивается из неё многообразием ярких цветов. Теперь это просто серость... Мы так долго её прятали, старались избавиться, а в итоге сами стали одним из её воплощений.

Точно так же и я превратился в воплощение одиночества. Последний, единственный, избранный, благословенный или проклятый, больше это не имеет никакого смысла. Теперь это всего лишь слова, наборы звуков, в которых нет никакого смысла. Я больше никогда не смогу воспользоваться языком, наречием, теми выражениями и фразами, которые так много лет трамбовали в мой мозг. Теперь это всё – та же пыль и все тот же пепел, в который превратился мой Мир.

Я хочу кричать, ругаться, лечь на пол и, свернувшись калачиком, мгновенно умереть, но не могу себе этого позволить.

«Может быть, там, на Земле, в подвалах и бункерах остались живые, и они будут жить... – вот на чем судорожно начинает фокусироваться сознание. – И тем, кто потом выйдет на поверхность, я могу оставить послание. Записку о том, как человечество превратилось в ничто, – думаю я. – Я буду тратить свободное место на винчестерах, забивая их своим голосом. Хронологией своего отчужденного и потерянного существования в космосе... Возможно, ее никогда не услы-

шат... В любом случае я сделаю все, что в моих силах».

1

По идее, это первый день моего нахождения на околоземной орбите. Я по-прежнему не могу отойти от шока. Все случившееся кажется мне плохим сном, но я не сплю. Мне грустно. В то же время я понимаю, что в этом нет никакого смысла. Единственное, что я могу сделать, так это убить в себе все живое. В принципе, это не так уж и сложно, учитывая тот факт, что моего Мира не существует.

Обращаюсь к тем, кто, возможно, найдёт этот дневник. Я космонавт. Мне около тридцати. Всю свою жизнь до этого я посвятил будущему полёту... Как школьник, который посвящает всего себя, все свои годы молодости и юношества тому, чтобы поступить в университет.

Давайте договоримся о следующем. Я расскажу вам про тот Мир, который я знал. Но, пожалуйста, не воспринимайте мои слова всерьёз. Они содержат в себе лишь малую часть истины. Они содержат в себе не энциклопедические знания в исторических и политических науках, они содержат какие-то обрывки воспоминаний и ностальгический бред.

Перед тем, как я начну рассказывать историю человечества глазами одного человека, скажу ещё пару слов о себе и о Мире, который перестал существовать.

Мы достигли высоких технологий. Мы вошли в информационную эру. Это так называемое время без забот. Это

эпоха одиночества... В нашем мире было такое понятие как сеть Интернет, которая объединяла все компьютеры в единый информационный поток. Компьютер же – это машина, устройство для обработки и хранения информации. Но об этом позже...

Так вот, каждый из нас, все жители были в этой самой сети. Связывались друг с другом в любое время и на любых расстояниях. Мы получали любую информацию по нашему желанию, но страдали одиночеством. Парадоксом было явление единения и полного одиночества, ведь тот, кто был в сети, исчезал из жизни... Люди практически перестали, можно сказать, отказывались от личного общения с глазу на глаз на тот момент, когда я покинул планету.

Недостаток общения. Может, именно это и стало поводом к тому, чтобы все перестало существовать. В принципе, в нашем Мире это было хорошим поводом для многого... Этот самый недостаток общения рождался как раз из-за любви человечества к Интернету. Мы писали сообщения. Лупили кончиками пальцев по клавиатуре, вбивая сообщения. Мы придумывали разные комбинации символов, чтобы описывать эмоции, но не писать о них; затем появились изображения, после – всякие двигающиеся картинки. Мы пытались совсем не говорить о том, что чувствуем.

Не знаю, по какой причине, но я отличался от большинства людей. Мне не нравились все эти технологии. Конечно, странно, что человек, который выжил в самом совершенном

изобретении всего человечества, говорит об этом, но это так.

Действительно, вместо одиночества в сети я выбирал общение с теми, кто мог себе это позволить. Таких людей было немного, но они были самыми дорогими и родными для меня. Мы встречались во всяких интересных, как нам казалось, местах и кушали, и пили, и разговаривали, смотря в лица друг другу. Это было замечательно!

Единственное, что сейчас вижу я, это собственное отражение в иллюминаторе. Теперь я понимаю, что чувствовали те, кто просиживал сутками перед монитором. Они тоже всматривались в чёрную бесконечность вечности и видели свои печальные лица. Теперь мы похожи, теперь я могу понять их чувства, теперь я тоже оставляю письма, но, скорее всего, не смогу дождаться того момента, когда их прослушают и дадут ответ.

Интересно, на сколько меня хватит? Как долго я смогу сохранять свой разум в состоянии покоя? Неизвестно.

Запись номер 2

Почему-то мне кажется, что я уже сбился в исчислении времени. Если это так, то это очень печально, ведь... Хотя если хорошо подумать, с самого начала все пошло не так. И теперь факт того, что мое исчисление времени сбилось в самом начале, не так уж важен. Конечно, в первую очередь я выстроил график и систему своего будущего питания. Как бы то ни было – во всяком случае, сейчас – я хочу прожить как можно дольше. Конечно, я понимаю, скорее всего, это желание сиюминутно; пройдёт чуть больше времени, и мне захочется подохнуть от тоски... Не знаю, голода... мрачности собственных мыслей, которые вместе со мной заперты в вакууме и одиночестве. Ну, а пока мой рассудок непоколебим, я буду прилагать все усилия для того, чтобы он таким и оставался.

Где-то я слышал или читал о том, что мозг начинает обманывать сам себя, если долго смотреть в своё отражение. Возможно, это глупо, возможно, бессмысленно, возможно, параноидально, но в связи с этим я решил смотреть в иллюминатор как можно реже. Это стало одним из правил моего выживания в космосе.

Я мыслю как отличник дисциплины «обеспечение безопасности жизнедеятельности». Как будто это школа, урок... или ещё сложнее – экзамен. Где-нибудь в несуществующем

будущем. И преподаватель спрашивает какого-нибудь ученика вот о чем:

– При межпланетном перелёте средство передвижения потеряло управления, и вы повисли в невесомости. Когда прибудет другой корабль, неизвестно, ваши действия?

– Ну... эм... ну... Сначала я посчитаю запас продовольствия и, эм... посчитаю предполагаемое время нахождения в космосе.

– Хорошо, молодец. Дальше!

– Постараюсь составить себе график бодрствования и сна и разбить его на предполагаемые блоки. Таким образом, я смогу рассчитать приемлемое время для принятия пищи.

– Хорошо. Что ещё?

– Не смотреть в отражение.

– Что?! – удивлённо спросит преподаватель.

– Без особой надобности я постараюсь не смотреть в иллюминатор, потому что там есть мое отражение.

– Что?! – вновь удивлённо спросят его. – Почему?! А что такого в твоём отражении?

– Ничего, – ответит школьник. – Оно просто есть... Оно может внушить мне все что угодно. Я так думаю, – скажет он.

А это ведь это обычный школьный экзамен, и его слова проберут преподавателя до кончиков волос. Она задумается над его словами, потом улыбнется и скажет:

– Нет! Третьим пунктом будет... – и с довольной улыбкой окунет малыша лицом в дермо, но навсегда запомнит

его слова, в которых были и смысл, и осознание этого мира. Вполне возможно, этот самый школьник в свои, не знаю, десять лет будет лучше адаптирован к жизни, нежели эта те-тушка с адским причесоном.

В любом случае, я составил себе план выживания в таком виде, в котором мог его представить и осуществить. Еще я включил физические упражнения. Как минимум это позволит убить время, которого у меня теперь, с одной стороны, более чем достаточно, а с другой – все зависит от количества пищи, воды и способности моей ракеты вырабатывать кислород.

Кстати говоря, топливо теперь тратится только на поддержание жизни. Мне некуда лететь, мне не для кого проводить какое-либо исследование. Единственное, что я могу сделать, я уже воплощаю в жизнь... Я надиктовываю это самое послание бортовому самописцу.

Сейчас это единственный мой друг и собеседник... молчаливый собеседник, который внимательно слушает. Который может дословно воспроизвести мои слова.

– Ещё одно правило. Никогда не слушать свои записи.

Вот, что я решил, вот до чего я додумался. Мне кажется, что таким образом я смогу обезопасить свой разум от проникновения в него шизофрении. Правда ли это или лишь догадка, домысел? Неизвестно. У меня есть время для подобного самокопания, но нет настроения для этого.

Вместо этого я лучше расскажу про великолепную аферу

моего мира. Она заключалась не столько в обмане, сколько в мистификации и переписывании фактов и слов. Сказанное однажды теряло актуальность, и его дополняли. По прошествии нескольких лет меняли порядок, чтобы сделать формулировку более точной. Затем, спустя ещё некоторое время, часть слов заменяли выгодными и начинали получать выхлоп. Затем, когда система переставала работать, её заменяли новой, созвучной со старой, но имеющей под и за собой другие основания и понятия, а после круг повторялся. Человечество неустанно наблюдало за этим, прислушивалось к веянию моды и катилось дальше.

Конечно же, до этой глобальной аферы были другие, точно такие же, но мелкие. Образовывались они на основании людского любопытства и пытливости. Пока все это было в маленьких размерах, люди называли это верой, потом оно стало религией. Наверное, человечеству надоело придумывать множество богов, знать их привычки и место в пантеоне... лень... Моим миром правила лень, и именно она двигала прогресс. Но отдельно хочу отметить вот что: изначально, когда появился один бог, все было нормально. Он, возможно, сказал сам, возможно, домыслили его приближенные и записали слова на пергаменте. И вот эти слова, принадлежащие личности, вот это и было верой, а вот потом... Потом меняли порядок, чтобы сделать формулировку более точной. Затем, спустя ещё некоторое время, часть слов заменяли выгодными и начинали получать выхлоп... Ну, вы поняли.

Причём из-за тех слов человека не стало, и это лишь укрепило силу им сказанного, превратило в систему правил... А мы, люди, были созданы, чтобы нарушать правила, а если возможности нарушить нет, то изменять их таким образом, чтобы нарушить можно было.

Так появилась религия. То есть ее основали вокруг одной личности и слов, ею сказанных... Так появилось и безумие, которым заболели особо внушаемые экземпляры нашей расы.

Они стали зависимы от созданной словами системы порядков и устоев.

Были и те, кто шли против. У них была другая вера, не преобразовавшаяся, не эволюционировавшая. Самое смешное заключалось в том, что вера, какой бы она ни была, всегда существовала без навязчивости, с уважением к другим верованиям. Религия же была властолюбивой гнидой, что паразитировала в мыслях.

Вот сейчас я об этом рассказываю и понимаю, что такой исход для религии был логичным. Ведь нельзя построить хороший дом на песке... И если бы те слова, если бы их не начали менять, то они стали бы постулатами, аксиомами, фундаментом.

И если бы религия была бы всего одна среди верований, она захлебнулась бы в собственном дерьме, но есть одно «но». Их, примерно в одно время, возникло несколько. И это стало одним прекрасным поводом для раскола челове-

ства... для начала глобализации затворничества и одиночества. Но об этом необходимо сказать несколько больше.

Дело в том, что вера, если она есть – а она есть! – не требует службы, посвящения жизни и прочих условий. Религия же вечно в чем-то нуждается, чего-то требует и хочет. Причём от каждого и всё. И те фанатики, что заболели мимими-идеями, собирались в группы, чтобы создавать места «уединения». И там они обращались к идеям, кишасшим в головах, культивировали их и верили, что общаются с идолом религии... они называли это верой в Бога.

Третья

Смотрю в иллюминатор. Наблюдаю за звездами. Они переливаются вдали. Я смотрю на них сквозь своё отражение. Мне скучно. Это моя самая большая и самая страшная проблема. Всегда, все время надо себя чем-то занимать. Что-то подсчитывать, на что-то смотреть и наблюдать за этим чем-то. Мне уже скучно и неинтересно! А ведь я здесь не так давно... Что же будет дальше?

Почему-то мне вспоминается детство. Тот момент, когда я нашкодил. Отец поставил меня в угол, поругал, сказал, что я должен рассматривать две стены и стык. То единственное, что мне теперь дозволено на неопределенное время – просто смотреть вперед и сожалеть о своём проступке. Я не имею права ни общаться, ни смотреть в какое-либо другое место, только вперед. Вот что я чувствую сейчас, и по факту я стою и смотрю тупо вперед на все эти одинаковые звезды. Единственное, чем они отличаются друг от друга для меня, – степень яркости и размер. При всем при этом я понимаю – я НИЧЕГО не понимаю. Могу только придумывать и додумывать другие параллельные миры и реальности, которые существуют на просторах других солнечных систем где-то далеко от нашей. Возможно, так далеко, что я даже представить не могу, не то чтобы добраться до тех мест при помощи своей допотопной ракеты, заправленной каким-то дешевым

топливом, которое выписало правительство... Хорошо, что вообще долетел и остался здесь...

Вообще, для меня это как виза. Просто очень далеко. Наверное, настолько далеко, что после факта полета человека, то есть меня, в пространство выше атмосферы жизнь на Земле заканчивается Армагеддоном.

Я поясню немного, что имею в виду. Дело в том, что мы, люди, любили путешествовать, но есть одно «но» – мы не могли заниматься этим свободно. У нас было много народов, каждый из которых владел собственным участком земли на планете. Для того, чтобы попасть на территорию другой страны, нам требовалась специальная бумажка под названием «виза». Этот самый кусочек бумаги говорил о законности нашего пребывания на чужой территории, и я уверен, если бы на наш шарик прилетели бы инопланетяне, первым, о чем их спросили, была бы виза. Возможно, еще цель визита и бронь гостиничного номера.

В любом случае мы любили путешествовать, сколь бы проблематично это ни было. Иногда уезжали в другие страны, чтобы учиться там, иногда – чтобы работать, иногда – чтобы жить. Мы покидали родной дом в поисках чего-то намного лучшего этого самого родного дома. Самое страшное, что дом переставал быть таковым. То есть с ним ничего не происходило, он оставался все на том же месте, но появлялись изменения. По возвращении ты все помнишь, все находится на прежних местах, но, к примеру, некоторые лю-

ди умерли, где-то срубили дерево, вместо детской площадки сделали парковку.

Все эти изменения, они просто несовместимы с тем домом, о котором мы грезили и воспоминания о котором лелеяли. Тот дом – мечта, а это реальность... Поэтому, покидая родные места, мы погружали их в постапокалиптический хаос, наполненный пылью и рассказами уцелевших.

В космосе все воспринимается... Хотя я не знаю того, как все воспринимается в космосе. Обстоятельства, заложником которых я оказался, слишком специфичные. А вот представление того дома, куда я должен вернуться, оно неизменно и идеально. Пускай даже моя виза продлена на пожизненно.

Устал... уже устал от одиночества. Прошло немного, не так много времени, но... слишком много времени наедине с мыслями. Они одним бесконечным составом мчатся сквозь мозг и стучат колёсами по рельсам. Это ад. Он проникает внутрь меня заразой мыслей. Я вспоминаю о тюрьмах. Думаю про одиночество, которое испытывали окружающие. Думаю про озлобленных людей, что смотрят друг другу в лица и готовятся убить. Думаю про изолированных от общества типов. Наверное, они испытывали то же самое... Правда, наверное, им было даже сложнее.

Мне видится средневековая крепость, что содержит километры путаных тоннелей и коридоров. По ним ходят и бегают люди, одетые в тяжёлые стальные одежды, в кожу и меха. Где-то внизу, в подземельях, сидят осуждённые. Их разделяют широкие каменные стены. Иногда слышно, как о пол разбиваются капли конденсата и эхом пробегают по помещению. Здесь нет света, сыро и холодно. Здесь гниют заживо голодные, больные, сумасшедшие. Во время грозы одни молча забиваются в угол, другие истерически смеются и бросаются в танцы, третьи же начинают обращаться к религии и говорить от её лица о том, что все люди прокляты.

Все это разносится по длинным каменным коридорам. От этого холод ползёт по кровеносным сосудам и забирается в

самую выносливую мышцу.

Темница находится недалеко от выгребной ямы. По этой причине здесь всегда воняет нечистотами, и люди, попавшие сюда, с первых минут начинают строить планы преждевременного побега из игры под названием «жизнь». Они прикидывают все возможные варианты смерти или же бегства и в эту же секунду начинают исполнение одного из возникших планов. Это может быть нападение на сопровождающих охранников или же, к примеру, небольшой театральный акт, в котором необходимо показать самое страшное заболевание. Итог один: жёсткий удар под дых, смех, а после randevu головы заключённого и каменной стены нового и, возможно, последнего для него пристанища.

Вонь, крики, смех, холод, болезни, голод, одиночество – все это лезет под кожу, забирается в самые труднодоступные места тела и мыслей и остаётся там до самого конца. Вот как было в древности.

До конца света люди самостоятельно прятались в пенобетонные склепы, что росли над землёй и упирались в небеса. Они были прикованы сетевой зависимостью к своим комнатам-гробам и так же, как и в древности, там потихоньку превращались в горсти пыли... Теперь весь мир – всего лишь горсть пыли, что удерживается на шарике благодаря атмосфере.

До конца света люди зарастали плесенью и превращались в части своих маленьких кондоминиумов, наполненных хла-

мом из журналов. Каждый наполнял свою одиночку ненужными вещами, чтобы во время редких встреч рассказывать другим, таким же, о своих богатствах. Все равно что в древности заключенный, хвастающийся пойманной крысой перед другим, у которого два квадратных камня в кладке, и это вроде как круто.

А мне даже похвастаться не перед кем. Я в самом совершенном одиночестве в мире и нахожусь слишком далеко от праха близких. Вокруг меня только звезды и пустые планеты, на которых никогда не было жизни... Я чувствую, что в скором времени начну терять рассудок. Надеюсь, что я ошибаюсь.

У меня ничего здесь нет. Даже книг, которыми можно было бы убить одиночество и скуку. Насколько мне известно, в тюрьмах можно было читать. Даже отлученные от общих поселений могли получить книгу и читать её. После завершения изучения одной могли поменять на другую. Так они и жили: от корки до корки, не зная ровным счетом ничего о времени.

Я ничего не хочу знать о времени, хоть и могу спокойно посмотреть на часы, которые неизменно продолжают отсчитывать время, пока что... Они уже отсчитали какое-то определенное количество времени новой эры, но я не знаю, сколько именно. Может быть, неделю, может быть, меньше, может быть, больше.

Действительно, я ощущаю себя заключённым, у которого

забрали совершенно все и дали свободу действий в ограниченном пространстве, а главное – ему оставили часы. Мерно тикающие где-нибудь под потолком. Зная, что цифры лишь усугубят мое положение, я повернул хронометр циферблатом к стене и теперь лишь слушаю мерное тиканье секундомера. В древних темницах этого не было, и, возможно, поэтому, каким бы ни было их заключение, оно кажется не столь ужасным, как мое. Ведь я могу узнать прошедшее время и, узнав, сойти с ума от этого знания.

В любом случае я примерно знаю, на сколько хватит моих припасов. Согласно этому знанию, я и выживаю на орбите. Я могу предположить, когда здесь умру. Мне подвластно лишь прогнозирование, строительство догадок о том, как все закончится. Почему-то мне так кажется, что, скорее всего, это будет голод, и в какой-то момент я просто зависну в невесомости. Мое совершенно высушенное тело будет болтаться внутри ракеты, в невесомости. Это чудо инженерной мысли станет чудом погребения и моим саркофагом. Я стану спутником Земли и буду болтаться на орбите, следуя своей собственной траектории движения... Или же я выйду в открытый космос без снаряжения, и меня уничтожит давление... Или в капсулу из металла и пластика врежется раскалённый камень и раскидает оплавленные и подгоревшие останки по всей орбите. Все это может быть. Точно так же, как и тот маловероятный конец существования, который просто случился, и теперь больше ничего не напишешь.

Вообще, это забавно: просчитывать варианты собственной смерти, зная примерное... даже не время, а, скорее, примерную протяженность, которая обуславливается работоспособностью ракеты и количеством продовольствия. Конечно, есть погрешность на болезнь, крушение или столкновение, но это не так вероятно, как простая, тупая смерть.

Пять

Специально отключил табло времени на тренажёре, что установлен в ракете. Специально стараюсь избавиться от всех хронометров, секундомеров и прочего... Периодически смотрю в иллюминатор. Заметил, что пыль на шарике осела. Теперь подо мной обломки былой человеческой жизнедеятельности. Я не могу сказать – славы. Язык не поворачивается упоминать об этом позоре. Ведь как бы то ни было, все закончилось на новой волне технологического прогресса. Хотя именно технологии и поставили заключительную точку.

Дело в том, что наш Мир был наполнен мечтателями, изобретателями, которые жили своими планами, которые существовали в своих изобретениях... которые стыдились и боялись своих открытий. Они создавали фонды с единственной целью – попросить прощения за найденное открытие и за то, как его используют психопаты и неуравновешенные.

Наверное, все это из-за человеческого тщеславия. Оно неугомно, ненасытно и всегда требует больше и больше. Это есть... точнее, было, в каждом... и во мне есть. Поэтому я до сих пор цепляюсь за здравый смысл, за рассудок и стараюсь оставаться... человеком.

Подумав об этом, я почувствовал себя дурно. Я не хочу быть человеком. Последним из своего рода. А плохо стало не потому, что я последний, а потому что, в итоге, вид полу-

чился не таким удачным, раз уничтожил сам себя... А теперь сквозь своё отражение я вижу серость и представляю разрушенные города, усыпанные пылью бывших жителей, остатки стен, усеянные тенями. Страшно.

Почему-то мне все больше кажется, что никого не осталось. Если раньше была хоть какая-то надежда на бункеры и оставшихся там живых, то сейчас мне все меньше в это верится... Я не хочу жить в обмане и верить во что-нибудь нереальное. Это кажется мне напрасным; думаю, что это глупо и в итоге сыграет против меня.

Так уже было единожды. Я верил своим глазам. Они смотрели на огромное море и на то, как самая известная из всех звёзд, во всяком случае, известная виду под названием «человек», прячется за линией горизонта и окрашивает небо в алые, фиолетовые, розовые цвета. В другой день облачным вечером я наблюдал все то же самое цветное шоу, но на сей раз оно падало на неровную поверхность пара, застывшего высоко над землёй. На следующий день пошёл дождь, заката не было. Тогда я наблюдал силу стихии: то, как волны поднимались, как мне казалось в тот момент, практически до чёрных туч, а затем падали вниз; то, как молнии расчерчивали небосвод секундными ломаными линиями. Мне было наплевать на погоду. Я хотел остаться там навсегда. Мне было примерно шесть лет.

Мой отец был военным при хорошем чине, однажды вечером он сказал:

– Мы переезжаем в город... там лучшая в стране частная школа.

Мой папа сказал об этом, и я понял следующее: я хотел слишком многого. Вечно оставаться на одном месте могут только трупы. А трупом я быть не хотел.

Но, честно, находясь здесь, я даже начал получать какое-то садистское наслаждение от мысли о том, что человечество строило города во все возможные стороны. Заборами и стенами ограждаясь от соседей и границами от тех, кто говорит на другом языке и выглядит немного иначе. И только сейчас я понял, в принципе, в эпоху перед концом времени человек, как вид, умер. Он просто оставался на месте из-за введённых условных обозначений. Конечно, среди нашего рода оставались такие, у которых в самой генетической цепи вписано вечное шило в заднице, которое не позволяло сидеть на месте. Именно такие индивидуумы и двигались вперёд, остальные до попадания в город под землёй жили в городе, что возвышался над поверхностью, и жаловались, и старались выживать... Сейчас я вижу лишь пыль и облака.

«Стоп! Облака!» – я понимаю, что ни разу после всего случившегося не видел, как облака проплывали бы под слоем атмосферы. Сейчас же я вижу облака. Они нависают над пылью, окутавшей остатки жизнедеятельности.

Наблюдаю за движением, что возникло под куполом давления, под скорлупой, отделяющей от космического холода. Я плаваю в невесомости, уставившись в иллюминатор. Я ста-

раюсь смотреть сквозь своё отражение, стараюсь не замечать того человека, что живет там, и прекрасно понимаю, что нарушаю одно из первоочередных правил. Эта мысль не даёт мне покоя, но я не могу сопротивляться интересу. Меня увлекают небо и облака так, как никогда не увлекали, пока я был на Земле... плохая ирония. А глаза с отражения потихоньку начинают прожигать дыру где-то в районе моей переносицы. Я это чувствую, даже не обращая внимания на стекло, концентрируясь на обратной стороне.

– Пора отлипнуть от иллюминатора, – произношу вслух и отстраняюсь.

«Спорт... Надо занять мышцы и мысли», – вот о чем я думаю.

А все потому, что теперь мне слишком интересно смотреть в иллюминатор. Там показывают нечто интересное... Там происходят движения, за которыми я не могу понаблюдать невооруженным взглядом. Я могу видеть лишь последствия миллиона маленьких, тысяч средних, череды больших изменений. Возможно, все это происходит куда быстрее, чем мне кажется... А возможно, нет. В любом случае, мне слишком интересен Мир вне пространства металла и пластика.

Здесь есть всего один тренажёр – велосипед. Я не знаю, почему так и кто придумал это. Скорее всего, это связано с отсутствием гравитации. Скорее всего, этот тренажёр нужен, чтобы мышцы ног не атрофировались в безвоздушном пространстве. Он рассчитан на возвращение из этой бездны...

Я его использую, чтобы убить время до неизбежного и очень неприятного события.

Я слишком хорошо переношу одиночество. Нет ни плохих снов, ни желания покончить с собой, никаких странных голосов, о которых меня долго и настойчиво спрашивали во время всех медицинских обследований... Мне интересно, как задающий вопрос доктор определяет, правду или ложь говорит человек сидящий напротив? Что, если в космос попадёт психопат? Ведь такой вариант тоже возможен? Пускай он маловероятен, но возможен! И я представляю эту ситуацию, этот диалог:

– Вы здоровы?

– Да.

– Голоса слышите?

– Нет.

– Прощайте.

Или:

– Здоровы?

– Да.

– А голоса?

– Какие голоса?

– Ну, вы слышите какие-нибудь голоса, которых нет на самом деле?

– Да. Время от времени они просят зарядить дробовик и выпустить пучок дроби в лицо соседа.

Или:

– Вы слышите голоса?

– Да... Но они просили об этом не говорить с вами, потому что это может навредить нашей дружбе...

– Но вы уже начали говорить о них. Вам это не навредит?

– Все зависит от того, что я скажу дальше... А я не скажу ничего.

– Разумно... Но почему такое решение? Они вам угрожают?

– Не скажу.

Или:

– Доктор! Я слышу голоса...

– И какие? О чем они с вами говорят?

– Они просят меня жонглировать, сидя на уницикле и напевая отрывок оперы «Мистер Икс»! Они требуют это и днём, и ночью, и заткнуть их нет никакой возможности!

– А вы пробовали выполнить их просьбу?

– Нет! Доктор, я что, похож на больного?!

И доктор сидит и пытается разобраться во всем этом. И кто-то действительно болен, а другой всего лишь идиот, не до конца осознающий серьезность мероприятия. Конечно же, он получит наказание в виде нескольких доз галоперидола и недельки в дурке... А если на моем месте оказался бы человек с глубокими внутренними проблемами? Такой, который до определённого момента устойчив практически к любым воздействиям любого типа... А потом его перемалывают обстоятельства, и эта мясорубка выплёвывает фарш из

личности, которая теперь, покопавшись в себе, открыла тот самый шкаф для скелетов. Что будет в этом случае?.. Ничего хорошего – вот что мне доподлинно известно.

Подобные случаи уже происходили в истории, когда лидеры держав, потеряв что-нибудь единственное, ради и для чего стоило жить, сходили с ума и бросали все на самотёк... И страны погружались в хаос огня и крови.

6

Наблюдаю за метеоритом, который плывет где-то очень далеко. Для меня он лишь небольшой камешек... Земли не видно. Она с другой стороны. Ракету вращает вокруг оси. Недавно я это заметил. Странное чувство одолевает меня. Теперь я думаю о том, что внутри этой скорлупы я остаюсь неподвижным, даже несмотря на то, что оболочка, пускай медленно, но движется. До того момента, пока кусок сплавов не повернулся какой-то совершенно неудобной для наблюдения за Землёй стороной, я не обращал внимания на тот факт, что я продолжаю движение. Сейчас меня это настораживает.

Помимо всего прочего, кажется, я привык к отсутствию времени. Теперь я могу спать долго, а уставать быстро и в основном от безделья. Самое главное – мне ничего и не хочется делать. В этом есть свой сакральный смысл, и если зарываться в чернозём психоанализа, можно сказать, что я просто переживаю одну из стадий... не знаю, чего... как вариант, депрессии. В любом случае, я не то чтобы избавился от апатии, я просто принял её. Наверное, только сейчас мне удалось понять большинство студентов, которые старательно ничего не делают...

А ведь и вправду: студенты в большинстве своём – это такая категория, которая ещё не смирилась со взрослой жиз-

ную, которая старательно пробирается сквозь дебри к уютному офису и белому воротничку, но при этом понимает, что это последний рубеж и дальше только самопознание и саморазвитие... Дальше наступит старость.

Несмотря ни на что, я уверен, что это лишь затишье перед бурей. Это смирение, оно мимолетно... Точно так же, как и впечатления от самого полёта в космос. Если брать исключительно мою ситуацию, то мне вообще обломали всю малину внезапной ядерной войной. Я смог насладиться только адреналином и ничем более. Даже некому рассказать о той гамме эмоций, что бушевала во мне, пока огонь поднимал все выше в небо. Может быть, ты, слушатель, узнаешь об этом... В любом случае, не я, а просто запись моего голоса расскажет тебе про облака и синее небо, что с каждым моментом все больше наполняется тьмой.

Но даже эти мысли меня не пугают и никак не расстраивают. Они просто есть, точно так же, как и я сам. Точно так же, как и метеорит, что лениво и с помпезностью плывёт где-то там. Точно так же, как и...

– Другие люди... – произношу я вслух. – Другие люди, что попали в космос раньше меня, – вот о чем я думаю. – «Галактика»... Станция называлась, вроде бы, «Галактика»... И там был один человек. Его с определенной периодичностью меняют, чтобы он следил за работоспособностью... Я НЕ ОДИН!!!

Как же я счастлив! В этом мире есть ещё один человек,

который точно так же болтается в металло-пластиковой конструкции. Он есть, а это значит, я как минимум не сойду с ума от одиночества!

Надо с ним связаться! Как же я раньше не додумался до этого?! Неужели все эти переживания из-за кончины мира настолько затмили мой разум, что я не подумал, что здесь, в этой безвоздушной неощутимой воде, я не один. Я обязан выйти на связь со станцией!

Аппаратура включена, Настройки в норме, все работает как часы, но в ответ лишь белый шум. Я слушаю его и пытаюсь пробиться сквозь стену помех. Мой голос уходит в глубину космоса и затухает там в виде импульсов.

– Станция «Галактика»! Станция «Галактика»! Как слышно?!

Время водой утекает сквозь пальцы. От усердия на моем лбу выступают капельки пота. За последнее время, пускай я привык к одиночеству и тишине, но в равной степени я устал от самого себя. Мне нужен человек, собеседник, который сможет звучать... С которым будет возможность отбиться от тишины, в которую погрузилась Вселенная.

– Станция «Галактика»! Станция «Галактика»! Вы меня слышите?!

И Мир, наполненный шуршанием белого шума, жизнь, наполненная помехами...

– Станция «Галактика»... пш-ш-ш... Станция «Галактика»!.. выжившим... пш-ш-ш... мы здесь! – после чего голос

произносит координаты.

Сердце в груди сокращается и замирает на секунду.

«Есть живые... живой... я не один!» – буря эмоций и мысль о том, что надо двигаться вперёд, становятся моим стимулом. Лезу в настройки автопилота ракеты, чтобы задать координаты и отправиться в космический полет в поисках выжившего. Я думаю, что конец света наступил, но это ещё не все. Человечество в лице выживших продолжит цепляться за право на существование. Может быть, даже кто-то остался на Земле, и они, возможно, уже ищут пути к тому, чтобы выбраться наружу.

Я понимаю, что произошедшее, возможно, в будущем уничтожит меня, потому что я позволил себе поверить в... то, что ещё не все потеряно. Но раз есть такая возможность, я буду верить как любой нормальный человек, буду хвататься за неё кончиками пальцев... ногтями...

Странное чувство – верить тому, чего может не быть. Странное чувство – перемещаться в космосе в то место, где я, возможно, встречу второе самое большое разочарование в жизни.

На самом деле я думаю о том, что мне надо было остаться на Земле и умереть вместе со всеми... Превратиться в пыль и осесть где-нибудь в другой части страны или даже планеты и остаться там навсегда. В принципе, люди и так превратились в пыль до моего полёта. Наше передвижение по планете зависело от потоков ветра, которыми нас подхватывало и

несло до нового места, где мы оседали.

По такой логике после взрыва мало что изменилось. И человечество просто стало неактивным и наконец перестало разрушать планету, попросту уничтожив жизнь... Хотя согласно случившемуся, я так думаю, уничтожение планеты было близко... Вполне возможно, это временное явление, и, допустим, из-за мощнейших взрывов в земной коре образовались трещины, и на самом деле при видимости спокойствия на самом деле сейчас Землю разрывают землетрясения, и она потихоньку приближается к своей кончине. Если это так, то выживших на Земле нет, и последняя надежда на станцию «Галактика».

Седьмая аудиозаписка

Я плыву через океан космоса. Огонь несёт меня вперёд в поисках выживших... как и я, затерянных в безвоздушном пространстве среди планет и звёзд... Хочу почувствовать ветер на коже, траву под ногами, услышать множество звуков. Я направляюсь в сторону полученного сообщения и трачу на это жизненно необходимые ресурсы топлива. Я отдаю себе отчёт о том, что и для чего делаю. В любом случае, вновь войти в некий анабиоз я всегда смогу, а вот возможность встретить похожих на меня, застрявших в плену обстоятельств, одна-единственная.

Меня несёт автопилот по услышанным координатам. Мне не по себе. Сигнал был плохим, и слышно было плохо. Вдруг я перепутал, неправильно услышал одну-единственную цифру и теперь направляюсь черт знает куда... сжигая топливо, что поддерживает системы жизнеобеспечения. Этот мой полет меняет местами, перемешивает варианты моей гибели, играя с ними, как крупье с картами. Меня это напрягает, и я даже начинаю сомневаться в своём выборе, а потом понимаю: позже, раньше... нет никакой разницы, потому что я умру здесь, в космосе, среди разного космического мусора.

Моя душа мечется из стороны в сторону, и вроде бы я даже хотел обратиться к Богу и просить его о благосклонности, а потом вспомнил те минуты, когда покидал планету... тогда

я внимательно посмотрел по сторонам и заключил: «Никакого рая». А обратиться все равно хочется, и я начинаю бубнить под нос какую-то ахинею, просить о том, чтобы моя космическая одиссея окончилась успехом и я нашёл бы и «Галактику», и людей внутри металлопластиковой крепости.

Мой шаттл движется смертельно медленно по меркам межпланетных путешествий и до безумия быстро согласно стандартам уже мертвого мира, но меня это не волнует, не интересует... Я продолжаю бубнить под нос лютую ахинею, которую сочли бы за чистую монету все в том же мертвом мире. Там сказали бы, что я приверженец какой-нибудь из религий, посмотрели бы на мой внешний вид, на страну происхождения и причислили бы к религии, несмотря на то, что я адепт свободной веры.

«Человечество просто хотело, желало и жаждало верить, но было лишено этой возможности... Спасибо религии, – думаю я и даже хочу с горечью сплунуть, но меня останавливает чувство гравитации. – Нет, молитва мне не поможет. Перед моим полетом все эти слова были опорочены и искажены вконец. За каждое обращение к Богу, который внутри каждого из нас, брали монету. Говорили, что это единственный способ, чтобы тот услышал... Люди начали покупать Неподкупного и катиться в бездну. Так было в одной из крупнейших держав. В ней преобладал бардак. В другой крупнейшей стране царили анархия и хаос. Из-за этих основных гигантов и случилось то, что случилось. Я же был родом из маленькой

страны-государства где-то между».

Я не помню, по какой причине, но наш Мир разделился на две стороны. То есть стран, национальностей и прочего было много, но все разбились на две противоборствующие стороны. Это было как противостояние добра и зла, и лишь победитель мог быть окрашен в белый цвет. Все остальное время была серость, которая как следствие поглотила всё, и цвета вообще перестали существовать, потому что их больше никому видеть... Это я так думаю, потому что не верю в иноземные формы жизни, которые якобы посещали нашу планету. А я не в счёт. Даже если мне удастся найти станцию «Галактика» и даже если там будут выжившие, нас все равно слишком мало, чтобы повлиять на что бы то ни было. Ладно, то, что нас мало... топливо и продукты питания не бесконечны, так что человечество в любом случае обречено здесь, в космосе.

Кажется, девятая... или восьмая. Точно, восьмая!

Как вы видите, я окончательно теряю связь со временем и событиями. У меня остаётся только стремление. Чистое, неподдельное стремление к тому, чтобы прожить отведённое мне время... несмотря на то, что я самостоятельно его уре-заю космическим путешествием.

Я не знаю, сколько времени прошло с момента запуска двигателя. Приборы показывают, что топлива, примерно, ещё столько же. Одна проблема – не известно, сколько ещё плыть сквозь этот океан. С таким же успехом я мог бы просто находиться на орбите, и рано или поздно мы бы встретились. Но я решил действовать незамедлительно! Вот насколько я не хочу быть один, и вот как мне уже надоело соблюдать собственные правила. Мне необходимо общение, а не отвлечение самого себя. Если быть честным, даже моя изначальная задумка рассказывать вам историю человечества мне уже давно не по душе, и я уже некоторое время максимально стараюсь избегать этой темы, потому что, как оказалось, я знаю не так много, чтобы о чем-нибудь рассказать... Даже здесь я сплеховал. ЧЕРТ!

Видимо, я типичный представитель людей. Такой, что начинает что-то делать, переосмысливает, смотрит на это по-

новому и перестаёт придерживаться первоначального плана. Потом что-то меняет, адаптирует, вновь вносит изменения, и все для того, чтобы чувствовать комфорт и ничего кроме. Это, кстати, одна из причин возникновения религии.

Собственно говоря, никак не могу понять, почему меня так задевает эта тема. Может, потому, что я поднялся слишком высоко и так ничего и не увидел, или же потому, что Мир перестал существовать, несмотря на все молитвы и жертвования.

Ещё один день

Почти... почти-почти-почти. Станция «Галактика». Она так близко! Но она постоянно отдаляется по мере того, как я за ней гонюсь. Эта игра в догонялки меня бесит. Почему? Вот по какой такой причине я должен был начать движение в ту же сторону, в которую двигалась станция?! Или почему она двигалась именно в эту сторону, а не навстречу мне?.. Слишком много глупых вопросов, на которые я никогда не найду ответы.

Вот она, я её уже вижу! Пускай далеко, но я её уже вижу. Эту космическую крепость, затерянную в безвоздушном пространстве. Надеюсь, что меня там ждут. Надеюсь, что все пройдёт отлично!

– «Галактика»! «Галактика»! Выйдите на связь! Меня слышно?

Лишь белый шум поёт свою тягучую песню в ответ.

– «Галактика»! «Галактика»! Выйдите на связь! Меня слышно?

И опять лишь белый шум.

– Не-е-е-ет! Не может этого быть! Давайте-давайте-давайте! Ответьте мне! Ну же! – кричу я в микрофон, сидя за штурвалом и наблюдая за медленным движением вперёд... – Я напрасно потратил топливо, нервы и время, которого у меня теперь слишком много.

– Станция «Галактика». Если остались выж... свяж... ми... – услышав это, мои сомнения пропадают. Я «давлю на педаль» в полную силу и направляюсь к космической станции, которую искал.

Станция находится чуть левее Солнца, поэтому звезда слепит меня своим ярким светом. Я смотрю на раскалённый шар, которому была посвящена тысяча песен. Он по-прежнему, как в тех песнях, согревает планету Земля, вот только это больше никому не нужно... точно так же, как день и ночь. Эти понятия, как и слова песен, больше не существуют, их больше никто не произнесёт, больше никто не споёт эти песни.

Я вглядываюсь в яркий свет звезды. Глаза болят, но я не отвожу взгляд и думаю только о взрыве, с которого все началось... и закончилось, только другим. Я смотрю на раскалённого гиганта и представляю, как после его взрыва возникнет новая планетарная система, только маленькая. В моем воображении на одном из вновь явившихся шариков появляются зачатки разума, затем проходят сложные процессы эволюции, видоизменение, продолжение эволюции, и вот спустя миллионы лет появляется новая цивилизация, которая точно так же смотрит в космос, как и мы раньше, и думает лишь о том, как бы попасть сюда... а тут нечего делать.

В смысле, это я так думаю, что тут нечего делать. Конечно же, если бы все прошло по плану, я был бы занят на полную катушку, а так... нога упёрта в пол, и я преследую огромную

космическую крепость! Романтика...

Мне не отвечают со станции. Не могу понять, по какой причине. Я пытаюсь запросить разрешение на стыковку, но в ответ лишь тишина. Мне кажется, что во всем виновна поломка передатчика... Я уверен в этом! Связь была слишком плохой, сигнал терялся и был нестабильным. Думаю, во всем виновен какой-нибудь космический мусор. Он повредил антенну, и теперь я никак не могу связаться с выжившими. Возможно, повреждена не только система радиовещания, возможно, есть ряд других причин, из-за которых за все время преследования я не увидел ни единого признака жизни. Мне кажется, что «Галактика» повреждена, и поэтому они сами ждут спасения, а не предлагают его.

– Итак! Начинаю стыковку, – я все же начинаю говорить вслух. – Все системы в норме. Нужная высота достигнута. Начинаю сближение, – мои пальцы прыгают по клавиатуре, вбивая буквы и цифры, обозначая координаты и направляя свою скорлупу все ближе и ближе к космической станции. Один неверный символ, и всё... ещё один грандиозный взрыв завершит совершенно всё. Но я не могу позволить себе совершить такой грандиозный провал.

Нервы как струны, и они натянуты до самого предела. Пальцы бегают по клавиатуре. Я как будто играю в какую-то странную игру, в которой обязан выиграть. Я просто знаю об

этой обязанности.

Все происходит очень медленно, и меня это бесит. Чтобы совершить одно действие, я бешено долблю по буквам и цифрам и еле успеваю все контролировать, но сами действия протекают крайне медленно. Если бы меня встречали, на все требовалось бы в два раза меньше усилий. Но я все вынужден делать один.

Стыковка началась. Два совершенных произведения технического искусства начали своё соединение. Как только все случится, я смогу попасть на самую станцию. Думаю, меня там уже ждут. Думаю, около отсека стыковки уже есть один, два, три человека, которые готовы к тому, что я взойду на их борт.

Я врубаю энергопотребление на полную катушку! Сейчас работает даже прибор, что обеспечивает наличие гравитации в кабине пилота. Я будто бы вернулся на Землю. Как будто это тренировочный лагерь. Я прохожу очередной тест на управление ракетой. Сначала пот появился на лбу маленькими капельками, сейчас же он спускается вниз и заливает глаза. Напряжение растёт. Если я сделаю что-нибудь не так, это уничтожит не только меня, но и станцию «Галактика», на которой должны, обязаны быть выжившие!

– Давай-давай-давай! Скорее! Собака! Давай! – кричу я на компьютер, управляющий скорлупой. – Чуть-чуть осталось! Двигайся активнее! Давай! – кричу на ракету, преодолевающую сантиметры в несколько минут. – Делай! Считай!

Управляй! Бей по клавишам! – кричу на контролирующего ракету себя.

«Как же я устал! – мелькает в мыслях. – Как же я хочу спать... Слишком долго ничего не делал... Слишком долго не включал гравитацию... мое тело, оно кажется чересчур тяжёлым, – вот о чем я думаю, пока мой шаттл преодолевает последние сантиметры. – Не спать! Не спать. Не спать... главное – не уснуть, – повторяю себе без остановки, и этим самым заклинанием, этой мантрой делаю только хуже. – В нашем проклятом мире никто не хотел умирать по-настоящему... никто не мог жить по-настоящему... а я не хочу спать по-настоящему...» – это волнует меня в тот самый последний момент перед тем, как уснуть и оставить стыковку на волю случая.

Одиннадцатая звукозапись

Запись продолжалась все время.

Открываю глаза. Мне страшно. Все-таки не сдержался. Все-таки уснул. Все ещё жив. Смотрю на приборы. Не могу понять, что происходит. Системы безопасности молчат, и это хороший знак, но маленькая лампочка на приборной панели не горит. Стыковка не произведена, и это плохо.

Пытаюсь выяснить оставшееся расстояние, но приборы молчат о дистанции. Скорее всего, там всего несколько миллиметров. **НЕСКОЛЬКО МИЛЛИМЕТРОВ!** Сука!.. Приборы тупо молчат и не сообщают мне ни единой необходимой мне цифры.

Управление стыковкой автоматически закончилось. Пытаюсь вновь вызвать эту программу, но по какой-то причине компьютер выдаёт сообщение об ошибке... доступа. **ОШИБКЕ ДОСТУПА!** Сука! В чем заключается шутка, я не понимаю.

Выхожу из кабины пилота. Головой бьюсь о потолок. Не потому, что такой высокий. Забыл об отсутствии гравитации вне кабины. Больно... Что-то все не так, все неправильно происходит. Хочу посмотреть, как обстоят дела снаружи, может, получится увидеть, на чем же остановилась стыковка. Не видно. Проклятье. Придется выйти в открытый космос, чтобы посмотреть, что и как.

С момента моего решения прошло... короче, протяженность подготовки не важна... Я продолжаю готовиться к выходу в космос. Бесконтрольному, отчаянному и, возможно, совершенно тупому. Такому, на котором все может и закончиться.

Минуло сколько-то ещё. Не знаю, сколько, потому что часы по-прежнему отключены. Мне не интересен ход времени, он лишь будет отвлекать и медленно убивать меня моими же мыслями и идеями. Я этого не хочу.

Весь кислород выкачан из отсека, из которого я выйду в открытый космос. Мне не страшно. Желание найти людей слишком велико и слишком сильно. Выхожу в безвоздушное пространство, где нет притяжения. Карабином зацепляю страховку. Продвигаюсь, цепляясь за лестницы. Каждый раз заново цепляю карабин. Так учили во время подготовки. Мотивировали тем, что такая маленькая условность может сохранить жизнь.

Двигаюсь медленно, но верно. Скоро, уже скоро смогу увидеть место незавершённой стыковки... Мой шаттл в несколько раз меньше станции «Галактика». Я глубоко ошибался все время своего выживания в пространстве, содержащем в себе планеты и звезды. Мой корабль, он не совершенен. Он не может быть совершеннейшим изобретением человеческих рук, навыков, науки и фантазии, потому что космическая крепость, на борт которой я хочу попасть, вот она – наивысшая форма человеческого ремесла.

Вот оно, место стыковки. Не вижу никаких неисправностей. Почему нет доступа?! Почему я не могу получить доступ?! Подплываю ещё ближе. Пристально смотрю, но не могу понять, что не так и что не то.

– Даже если придётся здесь сдохнуть... Даже если у меня закончится кислород и я уплыву отсюда холодным трупом... Только в этом случае я покину это место! Я найду, в чем подвох!

Начинаю изучать место стыковки. Буквально несколько миллиметров отделяют меня от получения доступа и от проникновения на станцию. Но я не могу найти причину!

«Да что же такое?! В чем причина?! – думаю я, паря вокруг места стыковки. – Камешек?.. Нет... Больше не вижу ничего, что может мешать... Может, что-то не подсоединилось?! Вроде все на месте, вроде все нормально! Черт! В чем же причина?!»

И так я двигаюсь вокруг в каком-то странном танце, что больше похож на обряд шамана, что мерно циркулирует вокруг огня с бубном и напевает мантры. Сейчас мое время обусловлено количеством кислорода, который запасен в скафандре, и, я уверен, в скором времени этот запас подойдет к нулю. А уверенность эта заключена в тяжести дыхания... Пора возвращаться, но, возможно, моя гордость не дает мне этого сделать.

Вдруг резкий поток воздуха толкает меня в грудь. Руки не выдерживают этого напора, и я отпускаю ручку, за которую

держусь. Фантазия... она в секунду начинает показывать мне нарезку фактов и событий из той эры, когда человечество еще было...

«Вот и все», – думаю я и лечу в холодную, большую пасть бесконечного космоса.

– Я задохнусь от нехватки кислорода, так и не добравшись до оплота выживших... – произношу я вслух, пока струя воздуха продолжает бить мне в грудь и отталкивать меня все дальше в вакуум, где повисли разноцветные шарики планет.

«Нет! Этого не может быть! Я не могу так просто погибнуть... Ведь я же прицепился карабином... Ведь так? Я ведь прицепился КАРАБИНОМ?! – гудит в моей голове. – Надо проверить трос! Я пристегивался... должен был», – тщетно стараясь одолеть струю воздуха.

– Когда же ты уймешься?! Ты МАШИНА! – кричу я, а отчаяние все больше проникает в мое сердце. Дышать все сложнее из-за мерно падающего уровня кислорода, двигаться все тяжелее, дыхание смерти все ближе... Возможно, этот кислород и есть она, и сейчас я смотрю в её глубокие черные глаза, наполненные лишь пустотой. Возможно, если напрягусь, я даже смогу увидеть её прекрасную белоснежную улыбку, которой она наполнит мои последние мгновения и потом, взяв за руку, уведет за собой туда, где теперь я смогу встретить вообще всех! Всех тех, кто погиб от взрывов либо последствий, всех тех, кто был дорог, или тех, с кем я по-прежнему не хочу видаться ни под каким предлогом... нас

всех, каждого без исключения, эта милая девушка приведет за руку в назначенное место встречи.

Я вновь стараюсь дотянуться до троса, а фантазия рисует картину того, как я тянусь к смерти и стараюсь ухватить её руку. Становится страшно, но я упорно стараюсь дотянуться до того места, где я должен был прицепить себя карабином.

Самое смешное в том, что все происходящее длится меньше одной секунды, а ощущается – как еще одна полноценно прожитая жизнь.

Напор уменьшается так же резко, как и появился. Мне даже становится легче от этого дышать, но это лишь мимолетная иллюзия... Кислорода все меньше, времени все меньше, а моя скорость на нуле. Рука тянется к лестнице. Лениво ухватывается за кусок полимера и подтягивает остальное тело ближе к станции «Галактика». Я на ней, но никак не могу попасть внутрь.

«Что это было? – появляется вопрос. – В связи с чем в меня ударил такой мощный напор избыточного воздуха, который может сказать о многом, но сейчас, и я в этом уверен, он говорит лишь пусть о случайном, но завершении моей самоназначенной миссии в открытом космосе».

Прыжками и рывками направляю свой разум и тело в сторону шаттла... Он уже спас меня однажды от гибели и спасет еще раз. Мы, если так можно сказать, повязаны до того момента, пока он либо не будет разбит метеоритами, либо не сгорит в атмосфере какой-нибудь из планет, либо до момен-

та, пока его не занесет на какую-нибудь звезду, где он сторит без остатка.

Этот газ, который поддерживает работоспособность органов, он практически иссяк, и я чувствую это... Чувствую так же хорошо, как кружится моя голова, как кровь приливает к лицу, как темнеет в глазах. Все это мешает мне, сбивает с мыслей о том, что необходимо двигаться вперед. Делать глубокие вдохи и медленные мерные выдохи и двигаться с той скоростью, которая даст мне дожить до отсека моей ракеты... Я даже не думаю о том, что у меня это не получится... Слишком многое я сделал для того, чтобы зайти на борт космической крепости, чтобы теперь у меня что-то не получилось!

Отталкиваюсь и цепляюсь, прыгаю и, паря, думаю лишь о том, как удержать своё сознание, думаю лишь о том, как я вернусь в свой несовершенный – даже не звездолёт, но все же космический корабль, наполненный необходимым воздухом. Пелена на глазах с каждой секундой, с каждым движением все плотнее, в висках стучит все сильнее и сильнее, даже сердце, подобно крысе, запертой в клетке, бешено стучит в груди из-за высокого уровня адреналина... Только благодаря ему я до сих пор продолжаю штурмовать безвоздушное пространство холодного космоса.

Ещё одно движение, и я чувствую, как аритмия сводит то, что расположено слева под рёбрами. Из-за этого контролировать дыхание становится невозможным. Теперь мешки

для кислорода судорожно сокращаются и точно так же сжимаются; они просят большего, но дать им пока что нечего... Возможно, они вовсе не получают обещанную порцию свежего.

Ещё один прыжок к двери, за которой скрывается убежище, сохранившее меня, быть может, от взрыва... быть может, от взрывной волны... быть может, от излучения... быть может, от радиации... Мозг сдавливает мигрень, высекает искры, выдавливает слезы. Теперь две капельки жидкости болтаются в скафандре. Они проплывают перед глазами в сгущающейся темноте. Больно. Сосуды головного мозга нуждаются в кислороде. Клетки, возможно, уже начали отмирать. Теперь не только аритмия сердечных ударов, ещё и мигрень работает против меня. Больно. Не знаю, на чем я до сих пор держусь... Хотя нет, знаю! Я должен увидеть выживших! Я УВИЖУ!!!

Последний прыжок... Проваливаюсь внутрь своих мыслей... Меня затягивает в тёмное болото удушья. Понимаю, что тело беспорядочно летит к двери, за которой я смогу вдохнуть. Представляю, как руки и ноги расслабленно застыли в этом прыжке. Лёгкие перестали наполняться... Скафандр наполнен углекислым газом, мной, инеем и теми самыми двумя слезинками. Собираюсь с последними силами и вдыхаю углекислый газ. Вновь удар мигрени. Мутная картинка возникает перед глазами. В ней я умудряюсь рассмотреть ручку двери. Затем схватиться за неё. Повернуть и от-

крыть дверь. Все это на задержанном в легких яде... Закрываю дверь, одновременно с этим снимая шлем скафандра. Последнее, что я успеваю сделать – нажать на кнопку герметизации. Она запечатывает вход и сначала погружает меня в вакуум. Вновь погружаюсь в липкую темноту. Слышу, как открываются клапаны... Кислород есть.

Запись не пронумерована

Пш...

...

...

...

Пш-ш-ш-пш-ш-ш-пш-ш-ш...

...

...

...

– Ай, мама... моя голова... Как же мне нехорошо... м-м-

М...

...

...

...

Пш-ш-ш-пш-ш-ш-пш-ш-ш...

...

– Если запись идёт... какая-то там... номер очередной.

Мне плохо. Кислородное голодание пройдено. Я в отсеке своего шаттла. После истощения мой организм накачался кислородом до опьянения. Лежу на холодном полу. Гравитация включена. На мне скафандр. Рядом лежит шлем. Смотрю на него и вижу своё отражение. Оно разделено смачной царапиной на поверхности этого стеклопластика. Я плохо выгляжу. Ощущаю себя ещё хуже. Наверное, так себя чув-

ствуует вышедший из комы. Возможно, я тоже вышел из комы... Все равно я об этом никогда не узнаю, потому что в моей ракете нет времени.

Почему меня не ищут выжившие? Может, их и вовсе нет? А может, просто потому, что я не открыл дверь стыковочного отсека и поэтому они топчутся где-то там или же оставили одного смотрящего наблюдателя, который встретит меня, как только я попаду туда, как только открою дверь.

«Надо встать и отправиться на долгожданную встречу, – думаю я и со скрипом и болью начинаю двигаться. – Так плохо мне было лишь единожды... когда я напился до потери памяти на выпускном. Там и тогда я тоже, в своём роде, посетил открытый космос... Как-то не вяжется у меня с этим, с прогулками в пространстве, удерживающем планеты».

Шатаюсь по коридорам своего убежища. Почему-то во всех отсеках включена гравитация. Наверное, из-за окончания стыковки сработал какой-то алгоритм, который и активировал притяжение внутри металла и пластика... Мне сложно идти. Я опираюсь о стены и потихоньку продвигаюсь вперёд. Такое ощущение, будто мышцы разучились работать, больше не держат организм, даже не хотят выполнять предписанные им функции.

«Жить без притяжения круто, но уже надо заканчивать, иначе такими темпами я забуду как ходить, а после и вообще позабуду, как двигаться. Не очень приятная перспектива на ближайшее будущее, за которым в любом случае меня ждёт

смерть».

Как бы то ни было, мне кажется, что я неплохо справляюсь и справлялся все это время. Даже сознание, оно по-прежнему со мной. И я совершенно уверен в том, что, несмотря ни на что, я уверенно сдерживаю его в рамках разумного. Но почему-то мне кажется, что в последнее время здесь, то есть в ракете, стало несколько темнее... Нет, я не могу жаловаться на проектировщиков и на тех, кто собирал эту ракету по маленьким частям... Просто меня не покидает ощущение, что ракета, как и тот мир, что я видел сквозь иллюминатор, меняется слишком быстро. Но не это главное... Главное – выжившие на станции «Галактика». Только мысли о будущей кампании удерживают мое изнеможенное тело в пространстве... Остальное лишь маленькие помехи на пути к достижению моей цели, на пути к воссоединению остатков человечества.

А гравитация, она давит на меня. Идти тяжело... Вообще тяжело! Дышать, передвигаться, мыслить, и все это из-за гравитации. Все это из-за того, что шаттл включил притяжение согласно одному из протоколов, который активируется по факту стыковки. Не понимаю, почему мне так плохо... Вроде бы я здесь, в космосе, не так давно... Почему мышцы настолько сильно атрофированы?! Почему-то мне кажется, что в отражении я вижу не совсем то, что есть на самом деле. Мои руки выглядят совсем тонкими, а кожа на них натянута. Я вижу все, каждую венку и капилляр, и сейчас они пульси-

руют от напряжения. Это выглядит мерзко.

Почему мои руки такие тонкие? Этого же не может быть оттого, что рацион резко сократился? Хотя... Организм человека непредсказуем и иногда может и, что самое главное, совершает из ряда вон выходящее. Как, к примеру, феномен моего скоростного похудения и усыхания... Я превращаюсь в мумию в своём межпланетном саркофаге.

«Нет... я больше так не могу! Гравитация убьёт меня раньше, чем я встречу с выжившими!» – вот о чем я думаю и резко меняю направление своего передвижения.

Теперь, держась за стеночку, контролируя дрожащие колени, я плетусь на мостик, чтобы запустить свой компьютер, чтобы отключить силу притяжения, что царствует здесь.

«Почему мое тело так ослабло? Почему я так медленно передвигаюсь по своему маленькому домишку, выкинутому на околоземную орбиту? Я чувствую себя младенцем, что учится ходить... Я прекрасно понимаю его чувства и усталость, что сводит мышцы».

– Почему меня так сильно бросает в сон при такой малой физической активности?! И до меня никак не доходит... Я никак не могу понять, по какой причине меня так высушило! Вроде бы я регулярно, пускай и по чуть-чуть, питался согласно составленному рациону! – вопрошаю я пустоту, и в этот момент мой желудок выдаёт раздраженное урчание, и с этой секунды я начинаю чувствовать голод. – Подожди... Когда я последний раз ел?! Это было... – и тут я все понимаю. — Это

было где-то во время преследования станции «Галактика».

Выжившие выдавили из моей головы все другие мысли.

– Ничего! Осталось совсем чуть-чуть! Сейчас я отключу гравитацию, затем заскочу в отсек питания и дёрну оттуда пару батончиков, а потом – на встречу с людьми!.. Сегодня я встречу с **ОСТАТКАМИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!** – я слышу, как об пол разбивается капелька жидкости, это была моя слеза. – Каким-то чересчур чувствительным я стал... Раньше я не был бы так рад людям... На Земле я редко радовался встречам с людьми, а теперь все кардинально изменилось.

«Нет! Я был рад встречам с родственными душами, которыми были наделены несколько человек... и сейчас мне их не хватает», – мелькает в голове, и в этот момент, впервые за всю свою жизнь, я начинаю видеть галлюцинации.

Образы друзей являются ко мне галлюцинациями. Они улыбаются и машут мне, будто бы прощаясь, и я понимаю, что мозг сделал мне этот подарок.

«Больше мы никогда не увидимся», – думаю я, а они каскадом продолжают возникать один за другим вдоль коридора, по которому я иду.

Лица родных повторяются, я вижу их улыбки и из глубины собственного сознания начинаю слышать их голоса. Слезы спускаются по щекам вниз, щелчками разбиваются об пол... Внутри все сжимается до размера грецкого ореха, до самой яркой в моей жизни боли.

– Ещё пара метров, и мы попрощаемся навсегда, – произ-

ношу я вслух, все ближе подбираюсь к двери, за которой находится пульт управления ракетой.

– Прощай... Ай-ай-ай-ай-ай! – звучат голоса родственных душ, которые были выброшены из тел или взрывом, или ударной волной, или излучением, или радиацией.

«Хорошо, что я запомнил вас в ваши лучшие годы», – думаю я.

– Прощайте, – сквозь зубы выдавливаю одно-единственное слово, наполненное болью практически всего человечества.

Ещё через секунду дверь передо мной открывается, и ещё через пару секунд я сажусь в своё кресло и начинаю запускать систему отключения гравитационного поля внутри своего космического убежища.

– Вот и все, – выдыхаю я, и на лице появляется улыбка. Я вижу её в отражении лобового стекла своего шаттла, а за ним – вижу Юпитер. – Космос поглощает меня целиком... Он делает это как брюхо гиганта, и я растворяюсь в вакууме, как в желудочном соке.

«Несмотря ни на что, я встречу с вами, выжившие, – мелькает в мыслях. – Я вновь очень сильно устал... нам вновь придётся перенести наше рандеву в вашей крепости из полимеров, металла и пластика», – успеваю подумать я, а после проваливаюсь в глубокий сон.

Надеюсь, вы меня по-прежнему слышите... Перемотал назад, чтобы определить номер. ДВЕНАДЦАТАЯ. По идее,

этот номер, но по факту, и я в этом уверен, это не так.

Я отдохнул. Мое тело полно сил, но желудок пуст. Как всегда что-то идёт не так. Сейчас я возьму двойную порцию пайка, возможно, даже тройную. И направлюсь наконец-таки штурмовать «Галактику». Это свершится, и я встречу там выживших!

Беру тубик с надписью «говядина в томатном соусе» и прыжками направляюсь к двери, разделяющей остатки человечества. Её могу открыть только я, и по этой причине на борту моего скромного жилища нет посторонних. Возможно, они бы уже нашли меня... Возможно, даже помогли бы оклематься, прочитали бы кучу нотаций по поводу использования гравитации, тренировок и прочего сопутствующего дерьма, но дверь в свою ракету могу открыть только я.

Вот она, эта самая дверь, передо мной. Справа от неё панель с цифрами. Ввожу необходимую комбинацию. Зелёная лампочка загорается на раме. Нажимаю ещё пару кнопок, и дверь с мягким шипением уплывает влево.

«Свершилось!» – думаю я, и тело наполняют эндорфины.

Отбросив в стороны все глупые мысли и рассуждения, я захожу на борт станции. Я делаю это аккуратно и не напрасно. Проклятая гравитация, она включена здесь...

«Вы меня устали ждать, но я пришёл, и в скором времени мы встретимся», – звучит в моей голове.

Начинаю медленно пробираться по коридорам. Они длинные и совершенно пустые. Такое ощущение, будто бы я по-

пал на съёмочную площадку, наполненную тематическими декорациями. Все они покрашены в холодный металлический цвет. В краплении иногда встречается белый, что успокаивает и создаёт оптический обман зрения, расширяющий эти узкие улочки «Галактики».

«Это была очень большая исследовательская лаборатория, – прихожу к выводу я, проходя мимо отсеков, в которых растут разные растения. – Станция до сих пор способна не только работать, но и поддерживать жизнеспособность экспериментов, которые здесь проводились», – думаю я, заходя в одну из лабораторий.

Здесь прекрасный и большой сад, наполненный красками и цветами, о которых я уже успел забыть. В какой-то момент я понимаю, что при всём многообразии космических оттенков их недостаточно, чтобы сравниться с теми, что наполняли мой Мир.

– Как же мне не хватает лета, тепла, девушек в платьях с горящими глазами. Будто бы этого вообще никогда не было, будто бы все то, что я помню – сон. Будто бы он был настолько ярким, что заместил собой годы, проведённые мной в ракете. Будто бы не было всего того, чем я жил...

«Как же я рад этому зеленому, этим желтым, этим красным и синим цветам. Они свидетельствуют о реальности происходящего... и говорят о реальности прошлого! Ведь, если бы... – мой мозг спотыкается. – Ведь в любом случае, пускай даже во сне, но опыт я получил и поэтому знал, как

все эти цвета, – паранойя разрастается в мыслях. – Нет, если бы я их никогда не видел, я бы ничего не знал о них... бред! Все это – БРЕД! – думаю я, открываю тубик с питанием и начинаю выдавливать содержимое. – Поем, и мысли придут в норму... – думаю я. – Странно... – удивляюсь я и читаю название на тубике ещё раз. – Говядина в томатном соусе... Такое ощущение, будто бы она уже пропала... вкус отвратный! А можно ли это вообще употреблять в пищу? – думаю я, но продолжаю есть. – В любом случае, даже если я отравлюсь, это случится после моей встречи с остатками человечества! Которые, по какой-то причине, мне до сих пор не встретились. Лишь лаборатории и исследовательские центры, которые – те же самые лаборатории, только побольше.

Интересно, как долго можно шататься здесь? – задаюсь я вопросом. – Кстати, вот что интересно – до сих пор я не встретил ни единого указателя. Места для них, или точнее сказать, из-под них есть, а вот сами они отсутствуют. Это наводит меня на разные малоприятные мысли».

Мое тело и разум уже устали. Можно сказать, что я на истощении... Проклятая гравитация! Как я раньше мог жить под таким давлением и хорошо себя чувствовать и передвигаться на своих двоих с одного конца города на другой?! Сейчас для меня это НЕВОЗМОЖНО! Тот маршрут, что я преодолевал за несколько часов, сейчас я бы потратил на него несколько дней, серьёзно! И от этого мне не по себе... и по этой причине мне страшно. Впервые за долгое время я заду-

мываюсь о том, как же давно я здесь нахожусь.

«Как же хорошо, что я избавился от всех приборов, что исчисляли время», – вот о чем я думаю, продолжая проходить мимо разных отсеков.

Прохожу мимо продуктового склада. Мой желудок нервно урчит и просит еды. Заворачиваю туда с мыслями о том, что на меня не обидятся за один тюбик чего-нибудь съестного. Прохожу мимо пустых полок, пока не утыкаюсь в холодильник. С трудом открываю его. Внутри лежит небольшая горка каких-то припасов. В основном, что-то, содержащее углеводы. Грубо говоря, из пищи только жиры и углеводы. Это все, что необходимо для поддержания жизнедеятельности.

– Жиры и чертовы углеводы... серьёзно?! – кричу я, а в следующий миг вспоминаю про лаборатории, наполненные зеленью. – Наверное, я пропустил все самое вкусное. Почему-то я уверен в том, что там я смогу найти и фрукты, и овощи, которыми, по всей видимости, и питаются выжившие. Возвращаться не стану... Дёрну отсюда что-нибудь.

Протягиваю руку и просто вытягиваю лишь бы что. Мне попадается батончик. Открываю и начинаю жевать. Единственная эмоция, которая одолевает меня в этот момент – негодование.

«Почему только чертовы жиры и чертовы углеводы?! Ну, не может быть такого, что здесь питаются выращенным в лабораториях... или может? И все это как продолжение какого-то эксперимента, в котором я ничего не понимаю, как

непосвящённое лицо...» – вопросов много, ответов нет, и это, в свою очередь, тоже удручает меня.

– Где же вы?! – уже не выдержав, ору я в коридор. – Где вы, люди?! – вдруг начинает вырываться из меня голос отчаяния. – Я не понимаю, что со мной происходит! Почему я вдруг начал орать вслух, – вырывается из меня, и я ничего не могу с этим поделать. – Ау!!! Люди! Вы здесь?! – кричу я изо всех сил.

– Здравствуйте, вас приветствует система жизнеобеспечения и поддержания жизнедеятельности станции «Галактика». Мы терпим крушение на протяжении девятисот пятидесяти шести дней, но несмотря на это, продолжаем обеспечивать жизнеспособность и вести дневник исследований, проводимых на нашем корабле. Приглашаем вас пройти на мостик для встречи с нашим капитаном, – раздаётся электронный голос.

– Да что же здесь происходит?! Почему со мной общается электроника, а не люди?! Здесь кто-нибудь есть?! – ору я.

– Наш капитан с удовольствием встретится с вами, и, уверяем вас, он уже ждёт на мостике. Будьте добры, пройдите туда для встречи.

– Ну, ладно... я-то пройду... мне деваться некуда, – отвечаю я и понимаю, что что-то прослушал, не уловил саму суть того, что было сказано ранее. – Как туда пройти? – кричу я, но ответа нет. «Все-таки лабиринт? Все-таки мне придётся блуждать здесь, прежде чем я найду этого засранца со всем

его экипажем», – думаю я и покидаю пищевой блок.

Тринадцатый номер

Пока я шатаюсь мимо лабораторий, пока иду по стеночкам из-за слабости тела и проклятой гравитации, я нахожу небольшой отсек. В нем несколько коек, и я не могу противиться своему организму и поэтому просто падаю на одну из них, и проваливаюсь в сон. Не знаю, минут на пятнадцать от силы. Этот вывод я делаю согласно своим ощущениям полной помятости.

На Земле такое было лишь единожды. До того, как встать в таком состоянии, я сильно напился и утром совершенно ничего не помнил... Хотя нет, кое-что все же осталось на одном из обломков памяти того дня. Мне кричали, чтобы я избегал «вертолётгов», а я отвечал, что стану астронавтом и вертолеты мне будут совершенно не страшны. Это было на выпускном.

Сейчас я иду туда, где, по моему мнению, находится мостик капитана той чертовой крепости, иду туда, где встречу выживших! Гравитация продолжает давить на мое тело, и от этого мне тяжело. Мышцы болят и забиваются. Теперь я ещё и вынужден останавливаться ненадолго просто из-за судорог, которые начали возникать в моем организме очень внезапно.

– Эта космическая одиссея меня уже порядком достала... где мостик КАПИТАНА?! – срываюсь я в какой-то момент.

– Вы на правильном пути. Ознакомьтесь с картой станции «Галактика», что расположена в коридорах, и тогда вы быстро сможете найти нужное вам место, – вновь звучит электронный голос.

– Их нет! От них давно избавились! Я не знаю, куда мне идти! – кричу я, но в ответ слышу лишь дыхание тишины.

«Значит, так... Значит, я все-таки двигаюсь в правильном направлении... Молодец! Скоро я найду вас, люди, и тогда, реально, тогда я задам вам все интересующие меня вопросы! Главный из которых: какого черта вы не передвигаетесь по коридорам своего космического дома?!»

Вот о чем я думаю после того, как преодолеваю очередную пару сотен метров и выпрямляю ногу, сведенную судорогой.

«Хочу вернуться на свою небольшую ракету, которая донесла меня до последнего оплота человечества... Она такая небольшая и уютная! Нет этого бесконечного хитросплетения ходов и коридоров, которые ведут куда угодно, но не туда, куда я хочу и куда мне нужно. Это как и в жизни! А в жизни всегда так... Она всегда ведёт тебя куда попало, но не туда, куда ты идти наметил», – продолжаю размышлять я, в то время как прохожу мимо очередной лаборатории с какими-то тропического вида растениями. – Жизнь, она, да... всегда насмехается и делает с тобой все, что ей вздумается. Именно она зовёт потом свою младшую сестру Смерть и просит забрать со стола надоевшие игрушки... поломанные, грязные, со стертymi лицами и пустыми глазами... Иногда

она просит младшую сестру забрать игрушки, которые больше не могут играть сами по себе», – крутится в моей голове, пока я отдыхаю, сидя на полу.

– Комната управления полётом, – читаю вслух долгожданное название. – Как же я рад, что все подошло к своему логическому завершению! – продолжаю я вещать вслух. – Ещё буквально несколько шагов вдоль стены, и все!

– Пройдите, пожалуйста, к капитану, – вновь возникает голос робота, и комната погружается в тишину.

– А-а-а! Мразь! – кричу я. – Да что ж такое-то?! – возмущаюсь я. – Как же я уже устал от этих гребаных судорог! Как же они мне надоели! – сквозь зубы выдавливаю из себя слова, стоя в паре метров от двери и выпрямляя ногу. – Почему мое тело так ослабло?! Почему так быстро?.. Почему тело настолько сильно нуждается в нагрузке, гравитации и прочей херне?! – пробивает меня.

«Почему человек вечно от чего-то зависим?! – думаю я. – И как бы и какой бы внешний вид человек ни принимал в попытках доказать свою отстранённость, обособленность, он все равно будет зависим... И сейчас мое тело ломает из-за передоза физической активностью... печально», – проскакивает мысль, и через секунду ногу отпускает, и я преодолеваю последний разделяющий остатки цивилизации метр.

Дверь открывается передо мной.

– Добро пожаловать в комнату управления полётом, – вновь талдычит электронный голос.

«Сейчас меня встретят!» – произношу про себя и чувствую, как все мое нутро расплывается в блаженной улыбке.

Прохожу несколько метров вперед, но никто не выходит навстречу. Передо мной лестница. Поднимаюсь по ней с великим трудом. Миновав буквально пять первых ступенек, я вижу голову с взлохмаченными волосами. Затылок, затем высокая спинка стула.

– Эй! – крикнул я. – Как дела? Почему такой дерьмовый приём?

Подхожу к нему. Кладу руку ему на плечо. Он сидит на вращающемся стуле, поэтому развернуть его лицом к себе не составляет никаких проблем. В этот миг в моей голове мелькает одна крайне нелицеприятная мысль.

– А-а-а! – сидящий резко вскакивает со стула. – Я сожру твою душу! – кричит он, бросаясь на меня, а я ору в ответ.

От неожиданности происходящего я теряю равновесие, делаю несколько шагов назад, но этого оказывается достаточно, чтобы кубарем спуститься вниз по лестнице.

– А-ха-ха-ха! – слышу громкий смех. – Видел бы ты свой адский запил, – говорит он. – Держу пари, твои ляжки теперь не такие чистые, какими были раньше! – продолжает говорить и смеяться надо мной этот тип, а я не могу выбрать, что с ним сделать за такую подлость.

Пока я прихожу в себя, он занимает прежнее место в кресле.

– Ублюдох! – злобно рычу я, встав на ноги.

Подхожу ближе и наношу удар в челюсть со всей силы. К сожалению, сейчас я не в форме, поэтому вред наношу сам себе. Пальцы руки хрустят от удара. Его голова отлетает в сторону и через секунду возвращается на прежнее место. Он внимательно смотрит на меня, а потом начинает говорить.

– Ну что, как тебе это гнездышко? Хороша моя хата, мой бункер? А?! – спрашивает он.

– Какого черта происходит? Ты издеваешься надо мной?! – выпаливаю я.

– Честно говоря, да, – произносит он, и второй мой кулак хрустит от удара по второй стороне его челюсти. – А-ха-ха-ха! – смеётся он, и его глаза вновь начинают сверлить во мне дыру. – Когда-нибудь слышал про обряд посвящения? Так вот, это он и был! А-ха-ха-ха! – смеётся он, наполненный любовью к самому себе.

Наношу ещё два удара. Больно. Руки слишком слабы. Я сам слишком слаб.

«Как такое могло произойти, случиться?.. Я ведь занимался на тренажёре, и не важно, что все это время гравитация была отключена, ведь так?!» – этот каскад мыслей работает как унитазный смыв... А я как кусок дерьма, который отправляется в путешествие и в скором времени смешается с нечистотами.

– А чё ты так глянул на меня, когда развернул стул? Как будто бы я усохший усопший? – спрашивает капитан станции «Галактика».

– Что?

– Да я прикалываюсь над тобой! Расслабься!

– А где другие выжившие? – спрашиваю я.

– Другие? Выжившие? Ты о чем? – потупив взгляд, отвечает мне этот странный парень.

– Ну! Другие люди... Они ведь здесь? – вновь спрашиваю я и начинаю понимать, что здесь что-то не так.

– Чувак, у тебя не все в порядке с чердаком. Поверь мне, я знаю об этом! А-ха-ха-ха! А так... Ну, я здесь один. Был, есть и оставался, – произносит он, посмеявшись.

«Что-то не так... я был уверен, что здесь много людей», – думаю я, и в этот момент мой мозг делает мне подарок в виде воспоминаний... То, как до меня дошло, что есть станция «Галактика» и что там есть тот, кто ей управляет. Этого человека периодически заменяют, а предыдущего возвращают на Землю. А этот остался... Но почему, в какой момент я решил, что здесь много людей? Я пока что не могу вспомнить.

– Ты в курсе, что случилось с Землёй? – спрашиваю я, понимая, насколько это тупо.

– Ну, что-то типа того... Я запрограммировал систему на ежедневное радиовещание по всем возможным каналам и волнам о том, что я здесь, и о том, который день мы терпим бедствие здесь, в космосе, – говорит он. – Все это время я вёл дневник. Мои исследования продолжались и в космосе, в условиях искусственной гравитации удалось вырастить все те растения, которые ты наблюдал, пока шёл сюда. Конеч-

но, они немного, самую малость, отличаются от тех, которые росли на Земле, но смысл остался прежним, – продолжает вещать этот человек.

– Бедствие? Ты сказал что «мы» терпим бедствие? Кто «мы»? – цепляюсь за слова.

– Все мы! Человечество, чувачок! А-ха-ха-ха! – смеётся он. – Ты этого не заметил? – улыбаясь, спрашивает он. – Вроде бы криогенная заморозка ещё не доступна, ты не мог просто проспять все! А-ха-ха-ха!

– Надо конкретнее выражаться. И вообще, твои сообщения, сколько их? – спрашиваю я.

– Несколько видов, если быть честным. Они высылаются в случайном порядке четыре раза в день. Правда, ещё не было ни одного ответа... Только ты приперся сюда, – с некоторым разочарованием говорит он. – Земля молчит.

– У тебя с передатчиком беда. Он шипит, пердит и надрывается как имбецил в спортзале во время подхода, – говорю я. – Мне вообще повезло, что я принял этот сигнал и услышал сообщение.

– Вот только ты как-то слишком долго добирался сюда... Даже на меня стал похож! А-ха-ха-ха! – смеётся он, а я начинаю пристально изучать этого человека. Мало того, что этот парень выше меня примерно на голову, так он ещё и просто гораздо больше меня. По первому взгляду на него становится понятно: питание в норме, не то что у меня... Чёрные как смоль волосы и яркие глаза... Он выглядит отдохнувшим и,

несмотря ни на что, счастливым.

– Так что у вас с системами связи? Я так понимаю, что они повреждены. Как это случилось? – спрашиваю я.

– Время... У всего есть срок годности... У нас с тобой есть, у техники он есть тоже. Так что ничего сверхъестественного. Тем более, заниматься ремонтом некому, – говорит он. – А я просто не могу! А-ха-ха-ха! – помещение заполняется его смехом, как мешки легких заполняются воздухом.

– Ах ты, ленивая тварь, – наполняюсь я ненавистью. – Неужели тебе настолько сложно оторвать свою жопу от стула и попрыгать в космосе?! Даже я, скелет, обтянутый кожей, был там, чтобы попасть сюда! – ненависть выплёскивается из меня сгустками слов. – Ты просто посмотри на себя! Здоровый как лось! Отожрался на своих космических овощах и фруктах! – теперь в моей речи присутствует ещё и зависть.

– Чем богаты, так сказать... тем и рады! А-ха-ха-ха! – и капитанский мостик вновь наполняет громкий и почему-то жуткий смех.

Вспоминаю про отсутствующие таблички по всей станции. Всю дорогу меня это напрягало, потому что я не знал, где я нахожусь и, возможно, некоторое время даже бродил кругами.

– Почему нет табличек-указателей? – спрашиваю я напрямую.

– Я их выкинул в космос.

– Зачем?!

– Когда у меня появилось слишком много свободного времени, я решил придумать себе развлечение. Каждый день я выкидывал по одной. А-ха-ха-ха! Это было прикольно! Одну выкидывал, а вторую примечал на следующий день. Когда их стало меньше, приходилось бродить по всей станции в поисках. А когда осталось всего несколько штук, я понял, что не знаю станцию наизусть, и это сподвигло сначала найти оставшиеся, а потом начать учить это место до самого мелкого поворота! А-ха-ха-ха! Причём, реально, я сначала бродил с открытыми глазами и учил местоположения... Строил в голове карту. А потом, опять же от безделья, начал учиться ориентироваться здесь с закрытыми глазами. Это тоже было прикольным! А-ха-ха-ха! – его смех становится все более сумрачным и жутким. Мне даже кажется, что сам он стал каким-то маленьким и сухим. Не как я, но в сравнении с последними несколькими минутами заметно меньше.

– Все исследования записаны на винчестерах компьютера, так? – спрашиваю я.

– Да, там вообще все, что происходило как до новой эры, так и после её наступления! А-ха-ха-ха! – смеётся он, и мне становится страшно, но я не могу понять, по какой причине, а потом до меня доходит, что это я так разделил время, что происходящее я называю так же – старая и новая эры, до и после конца человечества.

«Неужели это простое совпадение? – мелькает мысль. –

Да ну, не может такого быть... Почему-то есть такое ощущение, будто бы он влез внутрь моей головы, моих мыслей и теперь ворует их ради издевки, ради того, чтобы вновь и вновь наполнять помещение своим жутким смехом, сидя в кресле капитана... или стуле... Это сложно определенно отнести к одному или другому, это что-то среднее».

– Скажи, а когда тебе это надоест? – спрашивает он.

– Что именно? – в недоумении спрашиваю я.

– Ну, все это. Когда ты свалишь отсюда? Или когда отсюда смогу свалить я? – спрашивает он и ставит меня этими вопросами в тупик, так как я вообще не понимаю, о чем он. – Ну, чтобы ты сказал, если бы тебя заперли бы в нереальном мире и держали бы там как обязательный атрибут, зная о том, что это лишь обман? – спрашивает он, вдруг став очень серьёзным.

– О чем ты? – я в недоумении.

Если буквально минуту назад он смеялся, внушая этим страх, то сейчас он внушает ужас одним только своим видом. Кстати, парень за ту же последнюю минуту сильно осунулся. Щеки впали внутрь, появились мешки под глазами, уголки рта резко опустились вниз. Взгляд его стал туманным и смотрящим сквозь меня...

«Если бы отражение в иллюминаторе могло бы чувствовать, думаю, оно бы чувствовало то же самое», – вот что прокралось в мои мысли.

А парень в своём кресле-стуле все так же смотрит на меня

исподлобья.

– Говори точнее! Что тут вообще происходит?! – начинаю я кричать на него в попытках выяснить хоть что-нибудь, что можно будет назвать правдой. – Ты хочешь сказать, что ты один управлял это громадиной? Хочешь сказать, что тебя одного прислали сюда?! – спрашиваю я.

– Кто-то плохо слушал инструктаж? Хм... Смотри, ты был прав насчёт выживших. Нас тут было несколько человек, это правда...

– Периодически вас меняли новенькими, так? – перебиваю его.

– Да, правда, одного меняли, присылали следующего. Я был последним, кого прислали сюда на смену, – рассказывает парень, а меня преследует чувство, будто бы все чайной ложечкой достаётся со дна ведерка моей памяти. – Меня сюда закинули, а потом, примерно через месяц, отправили в космос тебя...

– Да! И случилось то, что случилось.

– Как думаешь, все ли члены экипажа смогли справиться с осознанием того, что Мир подошёл к концу? – спрашивает он.

– Нет... думаю, нет, – отвечаю я.

В этот момент ко мне уже пришло осознание того, почему я уверен в том, что здесь несколько человек... ну, или хотя бы минимум один выживший. Мозаика начинает собираться.

– Одна девушка, она оставила на Земле и там же потеряла трёх детей, мужа, родителей. Она шагнула в открытый космос, и за несколько секунд давление превратило её тело в кашу. Мы ничего не смогли сделать, не смогли остановить... Тьма мыслей заставила девушку сделать это, и нам пришлось лишь принять ее выбор... В этот момент каждый из нас понимал, что это конец... Все мы умрем, – говорит парень, и его лицо вновь меняется. Появляются длинные и глубокие линии морщин. Помимо мешков под глазами, вокруг возникают темные круги, и взгляд от этого становится ещё более ужасным. Словно сама смерть смотрит не на меня, насквозь.

– Почему ничего не смогли сделать? – выпаливаю я и понимаю, насколько мой вопрос дебилен.

– Потому, что каждый из нас был в глубокой, как сам космос, апатии... Потому, что всем было наплевать... и, да, она не докладывала нам о своих планах. Зашла в отсек, нажала на кнопку, тем самым открыв дверь, и шагнула в холод. Сообщение высветилось на мониторе согласно алгоритму, но уже было поздно. Мы наблюдали за ней. Сначала тело покрылось корочкой льда, и, честное слово, я еле сдержался, чтобы не блевануть. А потом давление сделало своё дело, поработав прессом.

– А сколько вас было?

– Нас было четверо. Было... и знаешь, я видел то, как ушёл каждый. Это страшно! А-ха-ха-ха! — смеётся он, и мне даже кажется, что в этот миг свет померк и мы даже погру-

зились во тьму. На несколько мгновений, но мы исчезли из мира, скрывшись под куполом.

– А как выжил ты? – спрашиваю я.

– И ведь знаешь, я пытался остановить своего напарника, когда нас осталось двое. Он бегом нёсся в бездну вечности. Он сошёл с ума... Началась клаустрофобия, появились навязчивые идеи, странные мысли, галлюцинации... Этот парень, он разбил шлем своего скафандра и напал как на дикого зверя. Ты представляешь, что такое бой в невесомости? – спросил он – Это КОШМАР! А-ха-ха-ха! Хуже этого может быть лишь перекошенное лицо друга, которое навеки застыло в гримасе боли, отчаяния и непонимания!.. А его красное лицо, исписанное сосудами, когда мои руки сжимали горло, и выпученные глаза, залитые кровью... Ощущение такое, какое, наверное, можно испытать только в аду.

– Никакого рая, – еле слышно выдохнул я.

– Тоже заметил, да? Так вот, ада тоже нет. Ад внутри каждого из нас, а рай вокруг. Человеческая сущность в том и заключается, чтобы идти по тонкой грани и сохранять баланс внутренних ада и рая внешнего мира... И не думай, что оно несоизмеримо с другим. В каждом из нас сокрыт другой, целый Мир, – говорит мой собеседник, и я понимаю, что, несмотря ни на что, наслаждаюсь нашей беседой.

– А вообще, – меняет тему он. – Скажи, как долго это будет продолжаться? А-ха-ха-ха, – спрашивает он и смеётся, а комната вновь наполняется тьмой.

– О чем ты? – спрашиваю я и думаю вот о чем: свет меркнет каждый раз, когда он смеётся, и происходит это со мной. Будто бы темнеет в глазах, будто бы я повис в предобморочном состоянии и в скором времени неизбежно провалюсь в космос.

– Ну, все это! А-ха-ха-ха! – и вновь тьма подступает ко мне. – Наш диалог когда закончится? – спрашивает он. – Нет, ты пойми меня правильно, ты мне не надоел, нет! Я уже должен был надоест тебе по одной простой причине, – говорит он. – Плюс, пойми, наша встреча – это очень круто, да! Но ты опоздал... А-ха-ха-ха!!!

– В смысле опоздал? Куда? – никак не могу понять того, что происходит. – Я никуда и не спешил, – говорю я и в этот момент делаю одну догадку.

«Тот тюбик говядины в томатном соусе, во всем виноват он... Может быть, вдобавок, ещё и батончик... В любом случае я отравлен, и поэтому меня колбасит и прет во все стороны. Ещё голова болит! Причём так сильно, что мозг дал организму команду на выработку энкефалина!.. Или же я настолько увлечён беседой с персонажем передо мной, что не замечаю боли... Но даже это не так важно, как сам факт моего отравления», – вот о чем я способен думать сейчас.

– А-ха-ха-ха! Конечно! Все так и есть, и, отдохнув, мы сможем нормально пообщаться... И я сбавлю свои обороты и перестану стебать тебя через слово... Может быть! А-ха-ха-ха! – вот, что он говорит.

– Да, мне необходимо проспать, и все будет нормально... Все будет хорошо после того, как я посплю, – говорю я и телом начинаю ощущать давление гравитации. Мне тяжело, устал. Чертовски устал.

– Завтра мне будет очень плохо... Мышцы будут болеть, и если не выключить внутреннюю систему притяжения, то завтра я захочу сдохнуть, – произношу я. – Как вырубить притяжение?!

– Ищи сам, – произносит он с улыбкой на лице и остаётся неподвижным. – Теперь это все твоё, учись управлять, а-ха-ха-ха!

Начинаю нажимать на клавиши, читать сообщения. Вызываю справку, выполняю поиск, но все тщетно. Собеседник громко смеётся, получая удовольствие от наблюдения за моими безрезультатными действиями.

– Может, поможешь мне?! – выпаливаю я.

– Нет! А-ха-ха-ха! Я не могу этого сделать! А-ха-ха-ха! – слышу я ответ, практически теряя сознание.

– Да что с тобой не так?! – выпаливаю вопрос.

– Да все не так! – отвечает он – Меня вообще нет! А-ха-ха-ха! Ты понимаешь, обо всем ты узнаешь, когда влезешь в журнал капитана, там написана правда.

– Что? О чем ты? Что значит «Меня вообще нет»? – кричу я на собеседника, не отрываясь от клавиатуры главного компьютера.

– Все о том же, парень. Меня нет... В таком виде я суще-

ствую только в твоей голове. Как будто бы ты наложил на картинку моего тела фильтр модного приложения! А-ха-ха-ха! И сейчас я весь такой красивый, продолжаю восседать на своём рабочем месте в позе типа «сфотай на аву»! А-ха-ха-ха! Какая же чушь! – произносит он.

Чем больше он смеётся, тем хуже мне становится. Будто бы он об этом знает и именно поэтому продолжает ржать.

«Или же есть обратная зависимость? – мелькает вопрос. – Что, если все немного наоборот? Что, если не мне становится все хуже от того, что он смеётся, что, если мне просто становится все хуже, и по этой причине он все больше и чаще ржёт? Но это значит только...» – не успеваю додумать, как он перебивает меня.

– Да! Правильно! Я плод твоей фантазии! Своим желанием встретить выжившего ты создал меня... Ты попытался воссоздать то, каким я был, но ошибся, потому что раньше мы никогда не встречались. Ты понимаешь это?!

– Не гони! – произношу я.

В этот же миг нахожу заветную надпись «выключить гравитацию». Направляю курсор на неё и через несколько секунд начинаю ощущать легкость. Даже дышать становится в разы легче.

– Хватит заливать мне всякую дичь! Опять пытаешься посмеяться надо мной... Так?! Если ты намерен попробовать высадить меня на паранойю, не получится! Серьёзно! – произношу я и наконец-таки отворачиваюсь от монитора.

Смотрю на собеседника.

– И как раньше я не замечал этот мерзкий запах?

– А-ха-ха-ха! – смеётся парень, но рот его недвижим. Глаза смотрят куда-то вверх, но не на меня. Высушенное тело приподнялось над креслом капитана из-за отсутствия гравитации. – А-ха-ха-ха! – слышу затухающий смех. Он становится тише не из-за пропадающей иллюзии, нет! Я все-таки проваливаюсь в обморок. – А-ха-ха-ха! – смеётся труп последнего выжившего.

– Я... опоздал... – произношу вслух, и ко мне приходит осознание. – В тот момент, когда я развернул кресло, ничего не произошло. Он не пугал меня... На долю секунды я увидел реальность и создал альтернативную.

– А-ха-ха-ха!

– Я... общался... с трупом... Проклятье! А-ха-ха-ха! – теперь уже я смеюсь. – Все-таки я сошёл с ума! А-ха-ха-ха! – мы смеёмся в унисон.

Ещё через секунду меня поглощает мрак обморока.

Эм... четырнадцатый

– Труп левитирует по отсеку. Это очень странно – безжизненное, частично сгнившее тело, парящее посреди зала... Он практически надо мной... И сейчас я очень сожалею о том, что выключил силу притяжения. Опарыши разлетелись повсюду, и от этого только хуже... да и о чем я думал?! Человека не может расплющить в космосе! Это бред! – начинаю корить себя за придуманную историю. – Хорошо, что хоть не блеванул... С этим было бы ещё хуже... Если бы оно плавало бы здесь, перед моим лицом, а я придумывал бы то, как все это убрать отсюда вместе с маленькими белыми, чудовищно подвижными червячками, что селятся на чем-то гниющем.

Вообще, слушатель, я должен попросить у тебя прощения. Слишком много отступлений, слишком много бреда ты узнал. До тебя дошло слишком много всего того, что не является истиной. Да и мой рассказ о прошлой жизни в несуществующем мире превратился в повествование моего космического выживания.

Кажется, мне необходимо сделать здесь уборку... Даже не представляю, каким образом мне удастся это... Но другого варианта у меня нет. Иначе, а в этом я уверен, станцию «Галактика» заполонят паразиты, и, честное слово, это ничем хорошим не закончится.

«А почему я так уверен в том, что паразитов еще нет? –

появляется мысль. – Факт того, что я еще ничего не встретил, ничего не значит».

– Здравствуйте, вас приветствует система жизнеобеспечения и поддержания жизнедеятельности станции «Галактика». Мы терпим крушение на протяжении девятисот пятидесяти восьми дней, но, несмотря на это, продолжаем обеспечивать жизнеспособность и вести дневник исследований, проводимых на нашем корабле.

– Девятьсот пятьдесят восемь дней?! Подожди... Я уже слышал это сообщение, но тогда не обратил внимания на это число. Интересно, это с момента, когда человечество сожгло себя ядерными снарядами, или же с какого-то определенного события, произошедшего на станции? – мелькают мысли вслух. Я думаю, что они звучат только в моей голове, но на самом деле я проговариваю их.

«А-А-А! Я обратил внимание на время! Это что, уже почти как три года минуло с того времени?! Да как такое может быть-то?! Я ведь не так много времени веду свой дневник! Ведь так?!» – вот какие вопросы тревожат мои мысли сейчас.

Выравниваюсь в пространстве. Подплываю к компьютеру, и мои пальцы начинают барабанить по клавиатуре. Я перемещаюсь по дереву каталогов, ищу самое начало, самую первую запись, что хранится здесь. Через минуту нахожу необходимый мне файл и запускаю его. Это видео с нескольких камер. Одна из них снимает Землю, и, черт возьми, я вижу себя! То, как моя ракета пробивает атмосферу и уносит меня все даль-

ше от поверхности Земли. Другая камера снимает другую сторону, которую можно увидеть в иллюминаторы станции «Галактика». Несколько камер из лабораторий, отсеков для персонала, медицинского крыла и мостик управления. Звук идёт с последней камеры. Четверо человек радостно кричат и переживают за мой полет!.. Так мило...

– Стой! Что там?! – вдруг произносит тот, кто, по всей видимости, сейчас является частью питательной цепи опарышей. Потом парень направляется к компьютеру и начинает жать пальцами на клавиши, подобно тому, как это только что делал я.

– Это ракета... Подождите!.. Ещё одна, две, три...

– С другой стороны тоже есть! – кричит ещё один парень, который незаметно для меня встал около другого компьютера и повторил действия первого.

– Что происходит?! – произносит одна из девушек.

– Ракеты! Какие-то непонят... – застывает на полуслове капитан станции «Галактика», а я перевожу взгляд на картинку, транслируемую первой камерой.

Она показывает, как я окончательно покидаю родную планету Земля и как подо мной поднимаются грибы пыли и дыма после взрывов.

– Вновь наблюдаю Смерть... Я вновь смотрю на младшую сестрёнку жизни, только сейчас я вижу её спину и то, как она жадно забирает надоевшие старшей игрушки, – шепчу я, просматривая этот страшный документальный фильм.

Перевожу взгляд на монитор, который показывает членов команды. На их лицах шок, они не верят тому, что видят своими глазами. Одна из девушек начинает плакать, и капли слез поднимаются вверх.

– Мои дети, – выдавливает она шёпотом, но динамики точно воспроизводят записанный звук. – Их... больше... нет... – по слову выщеживает она из себя. – НЕ-Е-ЕТ! – микрофон не смог воспринять такое количество звука такой громкости, но безжалостные динамики не могут знать об этом и поэтому выплёвывают хрип и треск вперемешку с единственным словом, которое девушка теперь повторяет вполголоса и делает это очень часто. Остальные члены экипажа просто висят в невесомости недвижимо.

Я помню, как сам увидел произошедшее. Да, я почувствовал опустошение, ощутил дыхание другой особы, которую по обычаю своему мы, люди, называем одиночеством. Она подошла ко мне робкими шагами по холодной поверхности пола ракеты и положила чуть тёплые свои ладони на мои плечи, заполнив образовавшуюся во мне пустоту. Я слышал, как она подкрадывалась ко мне, мягко ступая своими изящными ступнями по металлопластиковым панелям, из которых состоит внутреннее покрытие кабины моего шаттла. Она вся такая маленькая и хрупкая, но руки содержали в себе тяжесть, которую можно сравнить лишь со смертью большого редкой и страшной болезнью ребёнка. Я это почувствовал, но недолго девушка была со мной... Всего несколько мгнове-

ний, по истечении которых она покинула мои мысли и сердце, а я почувствовал полное безразличие к произошедшему.

Вот как это было... Я это точно помню! Я просто стоял и наблюдал за происходящим! А потом начал вести этот звуковой дневник, который вы сейчас слушаете... Если, конечно, слушаете.

В любом случае, я не верю тому, что прошло так много времени. Как по мне, максимум месяц, но никак не три года или около того! Три года – это слишком, несмотря ни на что! И как они могли пройти так незаметно? Неужели я просто спал все это время? Или же... Чем же я мог заниматься все это время?!

«Точно! На моем шаттле тоже ведь установлены камеры слежения, – понимаю я и сразу же срываюсь с места. – А может, сначала прибраться? – звучит голос здравого смысла. – А может, ты заткнешься?» – грубо отвечаю сам себе, продолжая прыжками бежать в ту сторону, где, как мне кажется, я состыковался со станцией «Галактика».

И я вновь в лабиринте узких коридоров, которые переплетены между собой крепкими узлами.

«Надо было ставить пометки, чтобы выучить это место, чтобы не бродить здесь... Или же призраки бывшего экипажа недовольны мной и именно они водят меня кругами», – думаю я, преодолевая очередной коридор.

Единственное, что радует меня сейчас, это отсутствие гравитации. Так я могу двигаться гораздо быстрее, при этом не

так сильно уставая. В любом случае покину я это место куда быстрее, и мысль об этом мне нравится хотя бы потому, что я покину комнату с трупом.

В итоге я нахожу место стыковки и попадаю внутрь своей маленькой спасательной капсулы, своей ракеты, на которой я покинул родной дом и спасся от смерти. Здесь, на своём рабочем месте, сидя в кресле перед панелью управления, я открываю старые протоколы, вскрываю хранилища данных и ищу там видеозаписи своего существования в этой капсуле из металла, пластика, композитных материалов и стекла. Каждый файл поименован по порядку, и никаких упоминаний дат. Открываю первый и погружаюсь в атмосферу первого дня... Опять.

Меня усаживают в кресло и пристегивают ремнями. Я смотрю на себя, свои действия и наблюдаю за работой персонала. Все время идёт диалог с управлением. Я помню каждое слово!

Обратный отсчёт начинается. Мое напряженное лицо больше смешит меня сейчас, нежели наполняет одухотворением и даёт какую-то нотку ностальгии. Я смотрю на свою серьезную физиономию и смеюсь в голос, а диктор подбирается к единице.

– Один, – наконец-таки произносит он, и ракета начинает дрожать. Вместе с этим меня сильно прижимает к спинке кресла, к которому я привязан большим количеством ремней.

– ВРУБА-АЙ! – ору я, и сейчас на моем лице написано счастье. В своих глазах я вижу огонь. Он яркий и настолько сильный, что только на нем можно было бы вознестись на орбиту. А меж тем я все выше и выше. Голос диктора называет отметки высоты, на которую меня поднял столб огня, полученный вследствие химической реакции горючего, кислорода и пламени.

– Никакого рая, – произношу я вслух в какой-то момент, и лицо становится ещё светлее, потому что я уже так высоко, что тут даже ангелы не летают... Если существуют вообще... А одна из камер, прикрепленных к самой ракете, фиксирует своим объективом, как медленно плывут по небу ракеты, вышедшие из мертвой и вошедшие в зону видимости линзы.

Проходит ещё немного времени. На мониторе мое совершенно счастливое и ни о чем не следующее лицо. Я сижу за лобовым стеклом своего шаттла и вижу, как смакую каждый этот момент, а потом вновь обращаю внимание на отсутствие связи.

– Меня кто-нибудь слышит? Алло! Ответьте! Земля, ответьте! – я наблюдаю за тем, как произношу слова в микрофон, что вмонтирован в шлем скафандра.

– Спасибо за службу! – появляется голос диктора и пропадает в следующий миг. Теперь лишь белый шум поёт мне свою тягучую песню, и я проживаю это ещё раз... День сурка...

В этом документальном фильме я подхожу к иллюмина-

тору, а в суровом настоящем перевожу глаза на трансляцию камеры, что снимает Землю. Там лишь планета, заполненная пылью... На этом всё.

Вновь возвращаюсь к записи происходящего внутри ракеты. Я по-прежнему и все так же неподвижно стою перед иллюминатором. Колонки воспроизводят лёгкое, еле уловимое шипение и потрескивание. Больше ничего на мониторе не происходит. Я просто стою, уставившись на Землю. В стекле передо мной отражается мое лицо. Сейчас, просматривая эту запись, я вижу внутри себя лишь пустоту, поглотившую меня целиком.

– И вот сейчас я должен начать двигаться, – произношу я и даже делаю жест в виде щелчка пальцами, но ничего не меняется. – Ну, ладно, хорошо... Значит, во-о-о-о-от сейчас! – произношу, уставившись в монитор и повторяя действие с щелчком.

«Нет... Не сейчас... Хорошо, подожду», – вот о чем я думаю в этот момент.

Проходит несколько минут, но ничего не меняется. Начинаю проматывать видеозапись вперёд. Вверху монитора появляется обозначение скорости перемотки. Первая скорость и долгая перемотка вперёд. Вторая и опять же – долго вперёд. Третья, она же последняя, и долгое путешествие вперёд по хронике моего бездействия.

«Что происходит?! Может быть, это ошибка программы?» – появляется мысль, и я цепко хватаюсь за неё обеими

руками.

– Ну, хорошо. Перейду, пожалуй, к следующему видео-файлу, – произношу вслух и выхожу в меню выбора. – Итак, здесь всего несколько сотен файлов... какой? – спрашиваю я, а потом нахожу простое решение.

Выбираю самую первую. Закрываю глаза и нажимаю клавишу «вниз» на клавиатуре. Я знаю, что курсор неустанно скачет по файлам в направлении зажатой мной кнопки. Осталось дождаться желанного мной момента, отпустить уже задействованную и нажать кнопку ввода, чтобы запустить воспроизведение. Собственно, именно так я и делаю.

Открыв глаза, я вновь упираюсь взглядом в монитор. Он показывает мне прежнее место около иллюминатора, но меня там нет. Экран не разбит на множество объективов камер с разных частей шаттла. Самостоятельно начинаю переключаться между локациями, картинки на которых непрерывно фиксируются на жестких дисках и хранятся там до востребования. Нахожу свою проекцию на велотренажере. Мирно кручу педали. Мой взгляд совершенно обезличен, не заинтересован... Мои глаза похожи на стеклянные муляжи... Я сам похож на робота, который двигается как-то угловато и не совсем осознанно, но очень упрямо. Шевелится, будучи ведомым безжалостным алгоритмом. В какой-то момент это действие надоедает мне, и я вновь начинаю использовать кнопки скоростного перемещения по массиву видеопотока.

Первая скорость. Вторая. Третья. Пялюсь в экран мони-

тора. Жду изменений, и через несколько минут, это по ощущениям, монитор показывает, как я заканчиваю крутить педали. Вытираю полотенцем пот со лба, а затем очень долго сижу без единого движения. Такое ощущение, будто бы я сплю... или же как будто картинка опять зависла, и я не в силах ничего сделать.

Продолжаю наблюдать за сидячим собой. Не знаю, сколько проходит времени с момента начала перемотки. В какой-то момент тот я, который запечатлён в видеофайле, начинает активно двигаться. Останавливаю перемотку, возвращая трансляцию на обычную скорость воспроизведения. Теперь я слушаю отрывок своего рассуждения. При этом всё, что я делаю, происходит так, как будто бы мой мозг пропустил очень много времени. То есть я начал совершать действия с пустого места и начал это делать так, будто бы на самом деле уже что-то делал... Какое-то крайне странное чувство поселяется сейчас во мне. Будто бы я начинаю о чем-то вспоминать, но... Это воспоминание пробивается в сознание через железобетонную стену при помощи пластиковой вилки.

Продолжаю смотреть видео и наблюдать за собой. Даже не подумал бы о том, что все мои изречения, все мои мысли со стороны больше похожи на бред сумасшедшего. Ведь я так старался не утратить рассудок и в итоге попал на проигравшую сторону. Хотя... Тут, конечно, все относительно, ведь теперь я точно уверен в том, что я последний представитель

своего рода, и теперь я могу рассказать что угодно, и если все это будет найдено, то именно это и будет единственной существующей правдой. То есть, в принципе, если я придумаю какой-нибудь катаклизм, который уничтожил нас, то смогу смыть позор самоуничтожения.

– И ведь забавно получается, – произношу я вслух. – Меня можно назвать творцом прошлого, потому что будущего больше нет, – говорю и вновь упираюсь носом в экран монитора, где тот я, который был когда-то, тоже втирает какую-то чушь обо всем и ни о чем.

Пятнадцатая запись в моем космическом аудио-дневнике

Я очень много времени провожу за изучением видеофайлов и замечаю одну странную особенность. Именно она напугивает меня крайне сильно, а заключается в том, что там я веду себя так, будто бы иногда в моих мозгах что-то ломается и я зависаю. Натурально, просто отключаюсь от реальности и долгое время пребываю в состоянии растения. Сейчас я пытаюсь разгадать загадку об утерянном времени в мире, которого больше не существует для галактической частички... то есть для меня.

В данный момент я прыгаю по коридорам обратно на станцию «Галактика». Точнее сказать, я уже там и сейчас просто ищу мостик капитана. Теперь я отмечаю места. Подписываю комнаты лабораторий и исследовательских центров. Сейчас я веду себя куда более разумно, потому что хочу во всем разобраться... хочу понять, что произошло на самом деле со мной. Помимо всего прочего, мне интересна судьба экипажа. Именно поэтому я возвращаюсь к тому трупу, от которого воняет и опарыши из которого заполнили кабину.

«Надеюсь, они не растут, – появляется мысль. – Надеюсь, что отсутствие гравитации не сказалось на этих организмах и они не увеличились в размерах, – думаю я и начинаю по-

нимать, какую ошибку допустил в тот момент, когда не избавился от тела. – Хотя, стоп, не так много времени прошло с того момента, как я покинул «Галактику»... то есть с того момента, как я выключил систему гравитационного притяжения внутри космической крепости. Если бы она была выключена с момента смерти того человека, тогда можно было бы опасаться этих организмов, а так... главное – не запускать процесс его разложения».

Так что сегодня я обязан избавиться от тела и навести порядок, иначе здесь может стать слишком опасно. Да и вообще, думаю, мне придётся активировать здесь гравитацию. Это необходимо для исследовательских центров и лабораторий. Мне неизвестно, какие опыты здесь проходили, и глупым будет позволять расти всему тому, что на самом деле здесь хранится.

Вообще, я не сильно рад тому факту, что мне придётся включить гравитацию. Кажется, это будет последним, что я смогу сделать. Мое тело слишком слабо теперь. Правда, я до сих пор не могу понять, как все это произошло. Но сейчас я должен сначала очистить «Галактику», а потом уже разбираться со своими проблемами.

В любом случае, на этот раз я быстрее ориентируюсь в этом лабиринте. Намного быстрее нахожу эту самую дверь, которая открывает передо мной мостик капитана. Перед тем, как сделать шаг вперёд, перед тем, как датчики распахивают передо мной комнату-тупик, я некоторое время стою пе-

ред ней и стараюсь собраться. Меня ждёт уборка, из-за которой меня может вырвать в отсутствии гравитации. Конечно, я могу активировать модуль, но тогда мне придётся волоком тащить мертвое разлагающееся тело, а мне этого не хочется. Это выше, больше меня. Поэтому проще толкать труп, придерживаясь стен, нежели надрывать своё высушенное, лишённое сил и практически потерявшее жизнь тело. Вот моя позиция и мой взгляд на эту ситуацию.

Вхожу на мостик капитана. По-прежнему здесь парит тело, от которого теперь пахнет еще хуже. Вокруг плавают в отсутствии гравитации маленькие мерзкие белые личинки, которые вылезают через рот и оказываются снаружи того тела, в котором они зародились.

Как же мое тело хочет освободить желудок, который пуст по причине того, что я забыл поесть, и из-за этого лишь спазм скручивает меня несколько раз.

«Хорошо, что я в очередной раз забыл поесть... Плохо, что моя смерть придет от голода... но от голода не потому, что я буду голодать из-за закончившихся продуктов, а от того, что забываю поесть в свете событий».

– С другой стороны, и я это понимаю, иногда так даже лучше, – озвучиваю я вслух и в этот момент толкаю вперёд труп капитана станции «Галактика». – Ну, ничего, сейчас этот квест подойдет к концу, и тогда я смогу изучить историю этого места, и, может быть, так ко мне придет осознание произошедшего со мной... Так я смогу понять, или принять,

или вспомнить то, что происходило на самом деле... А те создатели программного обеспечения, которое было загружено в мой компактный космический корабль, им бы руки оторвать бы за их навыки.

Почему мне кажется, что весь мой шаттл работает на заглушках в программном обеспечении... такое ощущение, что все были уверены в том, что полет не состоится... точнее, состоится, но не до конца... Словно программистам изначально сказали, что от них требуется определённая часть программного кода, которая будет выполнять свои функции на все сто процентов до отметки, к примеру, в пять тысяч метров, а после все будет отлетать по мере моего подъема. Да и вообще та космическая капсула, на которой я добрался сюда, больше похожа на муляж настоящего корабля... и если это так, то моя удача безгранична! Ведь я и в живых остался, и до сих пор могу бороздить открытый космос!..

Я и шаттл, мы похожи как две бракованные детали, которые пока что не вышли из строя.

«Самое смешное... самое обидное... самое страшное заключается в том, что теперь-то я точно обречён на смерть, – вот о чем я думаю, и в этот момент приходит окончательное осознание – с рождения каждый обречён на знакомство с младшей сестренкой Жизни. – Вот, видимо, ей окончательно надоела эта игра, в которой та коротала время... а есть ли у Жизни время?.. И если есть, то над ней стоит кто-то свыше, а мы – всего лишь колония муравьев в многослойном пироге

существования», – вот о чем я думаю до момента крайней ясности.

– Все это бред! Жизнь и Смерть в образе сестёр – слишком явная чушь для романтиков, – произношу я вслух и уже за ногу тащу оставшийся здесь труп. – Как же человеческое существо быстро адаптируется к тем условиям, в которых оно оказывается!.. несколько минут назад рвотный спазм сводил меня с ума! А сейчас, ну, ничего так, по привычке, что ли, – продолжаю я этот монолог. – Наверное, тот священник, последователь в большинстве своём слепого культа религии, что работает на кладбище и в день видит несколько мертвых людей, наверное, очень быстро сможет адаптироваться на войне... Остальное уже будет заключено в силе убеждений. Но, в любом случае, думаю, такой человек опасен, просто потому, что он не боится смерти; он видел её сотни раз, он знает, как она выглядит, и, в принципе, при достаточной мотивации, и это я так думаю, он сможет отобрать это хрупкое понятие жизни из рук кого бы то ни было. А мотивации ему должно хватать на многое, главное – подобрать этот тысячегранный словесный ключ к его сознанию... даже патологоанатом не настолько опасен. Да, он слишком хорошо знает тела живых и мертвых, да, он лишён какого бы то ни было восприятия или же страха перед холодным телом, но есть одно «но»... Патологоанатом работает в спокойной обстановке, в закрытом помещении, куда может зайти далеко не каждый, он лишён дополнительных раздражителей. Хотя,

опять же, в голове у каждого спрячутся персональные демоны, и это говорит только о индивидуальности. А мой тупой треп уже уходит слишком далеко в дебри рассуждений.

«Так... куда дальше?» – остановившись на перекрёстке, я задумался, поняв, что не так уж хорошо знаю станцию «Галактика»... не так хорошо, как знал этот человек в моей фантазии.

– Не то чтобы мне не везёт... скорее, я потратил всю свою фортуна на то, чтобы добраться сюда, – уже открыто разговариваю вслух. – Причём, по определенному набору причин, сейчас ощущение того, что моя одиссея практически была обречена на провал, вот это чувство очень велико. Опять же, то, как пропала связь с землёй во время подъема... это ведь тоже неспроста! – говорю я. – В любом случае, куда сейчас?!

Я все так же стою на перекрёстке. Сейчас я как какой-нибудь герой из какой-нибудь сказки и обречён сделать выбор точно так же, как был обречён стать особенным, единственным. У меня всего три пути, потому что дорога назад бессмысленна, непрактична. Вот только передо мной нет ни камня, ни указателя, чтобы я мог выбрать свою судьбу. Только сила всевышнего рандома, она же судьба, подвластна мне... будто бы я произношу незнакомое мне заклинание на знакомом мне мертвом языке. Оно сработает! Я в этом совершенно уверен, но я не знаю, каким оно будет.

– А это, кстати, уже интересная настройка на будущее, – произношу я. – Не факт, что это сработает так, как я заду-

мал... Я не спешу, потому что у меня нет времени... От этого не зависит моя жизнь... поэтому это хороший вариант для того, чтобы скоротать время, – продолжаю вещать, стоя на перекрёстке. – Ну, что ж! Начнём! – прокричав это, я продолжаю свой монолог: – Итак, если я пойду направо, я упрусь в исследовательские лаборатории, где смогу найти какое-нибудь яблочко и набить живот клетчаткой и глюкозой! – сказав это, я делаю паузу. – Если я пойду налево, то найду отсек, в котором смогу избавиться от мусора, и на этом моя сегодняшняя миссия закончится замечательной победой... Нет, конечно, останутся личинки, которые надо будет собрать... сегодня же! Но дорога будет известна, и сами по себе они не особо активные. Мерзко? Да... Много? Да! Альтернатива? Нет... – делаю ещё одну паузу, делаю глубокий вдох, а на выдохе начинаю говорить: – С дорогой прямо все очень просто! Пойду туда, вернусь на свой маленький шаттл, на спасательную капсулу... точнее, на удачный прототип таковой. Удачный, первый и последний прототип. – Не хочу принимать решение... но и монетку подкинуть не могу, к сожалению, – озвучиваю свои мысли вслух.

В следующий момент мой взор падает на труп, который левитирует посреди коридора.

– А что, как вариант! Моя монетка... или указательная стрелка... эм-м-м... компас. Не знаю, как обозвать мертвое тело, которое не касается пола из-за отсутствия гравитации и которое сейчас само выберет наш маршрут.

– Слушатель, если ты есть, пойми, я не сошёл с ума. Нет, может, конечно, и сошёл, но я этого не замечаю, поэтому все мои действия вписываются в рамки нормальности происходящего. С другой стороны, ты не имеешь никакого права осуждать меня, потому что неизвестно, как бы ты вёл себя в данной ситуации и на чьём месте ты бы оказался... хотя это не так уж и важно.

Короче, куда укажут его ноги, туда я и буду его толкать или волоочь...

Только перед тем, как начать раскручивать, я закрываю рот, чтобы паразиты не начали вылезать при вращении. Ну, или если он как-нибудь ударится о стену или об угол.

– Проклятье! Он сопротивляется! Он не хочет закрывать рот... бред! Но что делать? – все так же продолжаю терроризировать микрофон. – О! На нем же майка!

Поднимаю руки и начинаю стягивать майку. Оставляю её надетой воротником на шее и завязываю мешком сверху. Теперь я не вижу его лица, которое меня раздражает с момента нашего знакомства... если так вообще можно сказать.

Начинаю раскручивать левитирующее тело. Сам держусь за угол, чтобы не начать вращаться вместе с трупом. Разгоняю его как детскую карусель где-нибудь на площадке. В какой-то момент понимаю – хватит. И после просто наблюдаю за тем, как оно крутится передо мной. Достаточно бредовое зрелище, которое можно вписать только в рамки плохого сна. А труп продолжает вращаться, и я вижу в этом нечто

кармическое. Что-то вроде: «Даже после смерти ты продолжаешь крутиться, проходя по сансаре и надеясь на лучшую жизнь».

В этот момент перед глазами возникает картинка из юности.

Мне около четырнадцати. Я стою посреди леса. В руках у меня компас. Я вращаюсь то вправо, то влево и смотрю за тем, как стрелка бежит между буквами. Я смотрю на карту и пытаюсь сориентироваться на местности. Трачу несколько минут, но у меня все получается, а это значит, что небольшой экзамен по ориентированию на местности сдан. Я бегу в указанную точку общего сбора – палаточный городок, и не чувствую, как метры тают под ногами. Бегу достаточно долго и в итоге добираюсь туда, где меня уже ждут. Туда, где встречаю друзей и подруг, которые так же, как и я, только что справились со своим заданием. Туда, где вместе со всеми буду ждать тех, кто еще бродит по лесу и ищет точку сбора.

И вот наступает вечер. Некоторые вернулись сами. Те, кто сдались, уже давно зажгли фаеры или выпустили что-то вроде фейерверков в небо и были найдены группами сопровождающих взрослых. И теперь все мы одной очень большой компанией собрались вокруг костра, от которого исходит жар и искры поднимаются в небо, чтобы вспыхнуть там наподобие того, как это делают звезды.

Вся наша немалая компания жарит сосиски, мясо, овощи, наслаждается запахами и тем, как дымок смешивается с

вкусным ароматом кулинарии.

Перед глазами проплывают воспоминания, как потом, спустя несколько часов, когда самые маленькие и взрослые легли спать, подростки выбираются из палаток, чтобы по травить страшные истории. Как мы сидим у медленно тлеющих углей в вырытой канавке, чтобы огонь не смог никуда сбежать. В ушах, как будто на записи, те разговоры и юные, смешные, пробирающие до костей голоса, а затем один, который предлагает поиграть в "бутылочку".

И вот очередь доходит до меня. Ладонка потная от волнения. Украдкой смотрю на девочку, которая мне нравится, и весь мир для меня уместается в одном желании: "Пусть горлышко укажет на нее!"

Одним резким движением привожу обычную зеленую бутылку из-под пива в состояние вращения. Внимательно наблюдаю за тем, как она наподобие стрелки компаса вращается, указывая на знакомых и друзей, на неё, на знакомых и друзей. Наблюдаю и думаю: "Пожалуйста! Остановись!" Картинка резко обрывается, возвращая меня в реальность.

– Ну, давай! Останавливайся уже! – не выдерживают нервы. – Давай-давай-давай! – сжав кулаки, наблюдаю, как мертвое тело замедляется. – Ну, все, СТОП!!! – выкрикиваю я вместе с тем, как человеческая оболочка останавливается, указывая мне...

– Не, ну, ты издеваешься? – обращаюсь к телу. – Так нельзя! Так что давай, второй заход! – говорю я и начинаю рас-

кручивать заново. Он показал мне на путь назад. Его ноги остановились по направлению ко мне, к мостику капитана, но это не вариант, потому что там нет никакой системы утилизации отходов. Это должно быть где-нибудь в грузовом отсеке, но никак не там... и вот кусок гнилого мяса вновь вращается передо мной, исполняя роль компаса. А я вновь испытываю странное чувство. Как будто бы это все – странный сон, который слишком сильно похож на реальность.

А стрелка из бездушного тела вращается все медленнее. Бросаю взор в иллюминатор. Вижу планету. По идее, это Земля. Там должна быть Земля, но в этот миг я вижу нечто другое. Какой-то шар на месте Земли. Он непонятного серого или коричневого цвета, который смешал в себе два предыдущих. И этот шар проткнут насквозь. Как канане. И все это такое большое, и оно возникло из ниоткуда. А этот шпиль или шампур, или черт пойми что, напоминает мне огромную спиральную лестницу, которая взяла своё начало где-то на какой-то планете и начала расти в две стороны одновременно. Именно поэтому мне кажется, что это нечто пронзает эту странную планету. Этот серо-коричневый шар, что возник на месте той планеты, которую я мог бы называть домом.

Закрываю глаза, протираю их ладонями. Так я должен избавиться от возникшего в моей голове бреда, и это помогает. Открыв глаза и вернувшись из мира под веками в мир, стремящийся к своему концу, я посмотрел в иллюминатор ещё раз и увидел там тот шарик, на который не смотрел очень

давно.

Меня слегка касается мертвая рука. Это переносит центр моего внимания с безжизненной планеты на лишенное жизни тело. Оно указывает ногами вправо. Его руки раскинуты в разные стороны, ноги тоже немного разбросаны, но указывают в одну сторону, а майка, натянутая и завязанная узлом на голове, прячет лицо и, возможно, не даёт паразитам возможности выбраться из своего хранилища, из своего пристанища.

«Так, стоп! А откуда они тут могли появиться? Или как?!.. Что за? – появляется мысль, которая, на самом деле, должна была начать волновать меня намного раньше. – Так, надо быстро разбираться с хранилищем этих мелких гадов, потом необходимо разобраться со всеми попавшими на мостик и там уже разведать о том, каким образом?! Ведь это личинки мух... они сами по себе не появляются...» – вот о чем я думаю и тащу за собой труп капитана станции «Галактика».

– Вообще, здесь явно происходила всякая дичь. Особенно в исследовательских лабораториях... А я как раз иду направо... То есть упрусь в исследовательские лаборатории, где смогу найти какое-нибудь яблочко и набить живот клетчаткой и глюкозой или найди что-нибудь, связанное с паразитами, – продолжаю наговаривать в микрофон. – Второе меня радует куда меньше... Мне не очень нравятся эти мелкие и крайне мерзкие организмы, которые питаются гнилыми продуктами. А что, если, – начинаю я вновь говорить

через несколько минут тишины. – Что, если на самом деле здесь много мух, они необходимы здесь для исследований чего-нибудь, и сейчас вся эта масса лишь ждёт удобного случая увеличить свою популяцию... не...

Это уже моя персональная паранойя! Но вырубать систему поддержания лабораторий ни в коем случае нельзя... черт-то большими проблемами! – произношу я и вновь затыкаюсь.

Проходит ещё несколько минут, и мимо меня начинают проплывать исследовательские центры, в которые я не хочу заходить... Во всяком случае, сейчас, с трупом, который держу за ногу и который я тащу по коридору, будучи в неведении.

– Интересно, есть ли здесь какая-нибудь система утилизации? По идее, может быть... но по-хорошему. Мне бы в грузовой отсек... там-то точно все есть.

Надо хорошо изучить, если не все, то множество материалов про местные исследования. Меня крайне напрягают гниды, которых здесь быть не должно... кстати, это прибавляет ещё один, пускай и маловероятный, но возможный тип смерти, который может настичь меня. Пока что выигрывает смерть от голода... Самое смешное, что припасы есть! Просто я их не употребляю, потому что некогда... мне некогда поесть на закате человечества. Когда уже в принципе спешить некуда! В этом есть ирония... человек – существо, которое всегда спешит жить, особенно, перед смертью. И, чест-

ное слово, я когда-то слышал легенду о том, как один генерал своей жаждой жить спасся от смерти.

Дело было в том, что император, или царь, не помню, кто именно и где это происходило... короче, этот правитель приговорил полководца к смерти, но дал сутки на то, чтобы тот смог попрощаться с родными. Что сделал военный? Он закатил пир! Он пил, пел и танцевал. Люди вокруг менялись, потому что никто не мог пить, петь и танцевать с ним наравне. И близкие роптали, и друзья неистовствовали, но не могли они остановить празднества генерала. Новости об этом дошли до правителя, и тот сам явился на предсмертную своего полководца и увидел тот праздник, в котором кружился человек, провожая последний день своей жизни. И в тот момент, в ту самую секунду, властитель изменил своё мнение. Он пришёл к подчинённому и спросил:

– Что ты делаешь?

– Я? Я праздную, – ответил полководец.

– Но почему? Ты скоро умрешь!

– Да, но сейчас я жив! И я буду жить заранее, буду доживать сейчас все те празднества, которых буду лишён в будущем! От слез нет ни пользы, ни счастья... а смерть, я её не боюсь! – смеясь, сказал генерал.

– Почему ты не боишься смерти?

– Потому, что я – военный! Мы кружим в этом танце на поле боя. Мы напиваемся до и напиваемся после, чтобы не сожалеть об утерянном времени!

После этих слов генерала правитель взял бокал с алкоголем и осушил его. Потом ещё один и ещё один. Удивлённый генерал поинтересовался:

– Что ты делаешь?

– Я живу! Я хочу попросить тебя стать моим учителем Жизни! Всю жизнь я был слеп и просто существовал, но после твоих слов я прозрел.

– Думаю, у нас слишком мало времени для этого... но это неважно! – сказал генерал и сам осушил свой бокал.

К утру его приговор был отменён, а полководец с правителем стали лучшими друзьями.

А мой приговор... Его нет, я просто обречён на смерть в одиночестве, но я слишком сильно хочу жить! Поэтому я здесь! Поэтому я преодолел космос в поисках живых, но нашёл лишь останки. Да – это самое мое большое разочарование в жизни, второе по счёту. Третье заключается в том, что моя ракета, возможно, но не точно, вообще не должна была достигнуть космоса и я должен был разлететься на практически бесчисленное количество молекул где-то в атмосфере. Остальные разочарования блёкнут на фоне этих трёх. С первым вообще ничто не сможет сравниться. Даже моя персональная смерть, которая наступила в тот момент, когда был найден этот труп, который сейчас я толкаю перед собой, проходя мимо очередной лаборатории. Даже если бы нас осталось двое – парень и девушка, из нас не получилось бы Адама и Евы, и на это есть множество причин, рассуждать о ко-

торых нет никакого смысла. И да, ремарка для слушателя предположительно с другой планеты или другой культуры. Адам и Ева – это персонажи религиозных книжек, с которых и началось человечество. Эта парочка соблазнилась обладанием разумом и из-за этого разрушила иллюзию рая, в котором они существовали. В итоге рай остался там же, вокруг, просто эти двое перестали его замечать. И с этого момента все двигалось дальше и становилось все более странным, а местами и страшным. Так что хочу сказать, если бы я оказался на орбите в компании с девушкой и наш дуэт был бы последним оплотом человечества, я бы не хотел примерять на себя роль Адама, потому что это, если хорошо поразмыслить, слишком странно, страшно, а местами и грязно. Никак не сравнится с моим одиночеством и ситуацией, в которой в невесомости я тащу за собой труп, наполненный опарышами, которые появились здесь черт пойми как!

А мы минуем либо совершенно зеленые комнаты, наполненные краплением разных красок фруктов и овощей. И хочется зайти туда и сорвать что-нибудь, и съесть это, но мысль о паразитах мне не даёт теперь покоя. Также я протаскиваю тело мимо белых комнат с разного рода холодильниками. Там много лабораторного оборудования типа микроскопов, центрифуг и прочих машин, названия и назначения которых я не знаю, потому что я не учёный.

Я уже здесь проходил один раз, когда впервые попал на «Галактику». Тогда все это казалось мне местом-обитали-

щем Миноса, вместе с этим я видел Оазис, который своим существованием подтверждает пространную цивилизацию. Я был полон надежды... А сейчас я тащу последнюю свою надежду и самое большое разочарование туда, где с этим можно будет покончить раз и навсегда, а после, смирившись, приступить к решению насущных вопросов, которые блуждают на остаточном импульсе жизни человечества... на моем существовании.

– Да господи! Где же отсек утилизации отходов?! – начинаю закипать я. – На кой черт ты выбросил все таблички?! – обращаюсь я к голове, завёрнутой в майку, как в мешок.

– Вас приветствует система жизнеобеспечения и поддержки жизни на станции «Галактика». Мы терпим крушение на протяжении девятист пятидесяти девяти дней. Всему персоналу необходимо пройти медобследование. Просим вас посетить отсек доктора для сдачи анализов. В будущем вам необходимо предоставить информацию на Землю, – произносит электронный голос. К сожалению, каждое слово, которое выплевывают динамики, всего лишь часть бездушной программы... она не осознаёт всего происходящего... даже не понимает того, что Земли больше нет. Есть только космический объект, который внешне напоминает другой – следующий космический объект, расположенный от Солнца несколько дальше.

– Где утилизация? – спрашиваю у системы, одновременно помечая очередной исследовательский пункт маркером.

Я делаю это, отталкиваясь от визуально-доступных мне данных. – Хорошо, что все двери прозрачные, – шепчу себе под нос в следующий после моего вопроса миг.

– На станции «Галактика» есть два отсека утилизации отходов: первый – в отсеке склада и второй – в исследовательском крыле, – отвечает мне робот.

– А где именно в исследовательском крыле? – спрашиваю я.

– Вам необходима самая большая лаборатория L13, – говорит робот.

– А это какая? – спрашиваю я, пялясь внутрь уже подписанной комнаты.

– L25, и это последняя лаборатория. Дальше вы сможете найти раздевалку со спецкостюмами.

– Значит, мне в любом случае надо вернуться назад, – понимаю я. – Но есть смысл приодеться... на всякий случай, – продолжаю говорить в микрофон своего космического костюма, не забывая о маленьких личинках мух, которые заполнили труп предпоследнего человека.

Я не могу позволить себе заразиться или позволить каким-то тварям посадить внутрь меня гнид... специальный костюм должен спасти меня от этого «нечта», что может ожидать меня впереди, – бормочу себе под нос, пока надеваю найденный костюм. Он садится безо всяких проблем... можно даже сказать, что он великоват, даже очень. В любом случае, он плотно облегает шею, к которой ещё крепится ак-

вариум в виде шлема. Сапоги и перчатки, они части самой одежды, поэтому единственный шов, который есть, как раз там, где голова крепится к телу, так что теперь я совершенно уверен в своей безопасности.

«Интересно... а как идёт счёт лабораторий? В обычном порядке или в шахматном, от одной стены к другой?» – появляется вопрос, который ставит в тупик мои последующие действия.

– Как мне попасть в лабораторию L13? – обращаюсь я к алгоритму, управляющему станцией «Галактика».

– Для простоты ориентирования все отсеки станции имеют оригинальные таблички с порядковым номером и названием, – отвечает бездушная машина.

– Ты меня видишь?! – у меня появляется одна мысль.

– Нет. В мою систему не встроена функция распознавания видеопотока.

– Подожди, а каким образом ты определил, что я находился около L25?

– Каждая дверь оснащена инфракрасным датчиком. Так я могу следить за персоналом и в случае необходимости сообщать о возникших проблемах.

«С одной стороны, это хорошо, – размышляю я. – Используя этот метод, я смогу подписать каждую дверь и даже указать направления», – продолжаю мысль.

– С другой стороны, такая прозорливость ставит меня в тупик... Что такого может случиться в лабораториях, или

о каких возникших проблемах говорил компьютер, – бубню себе под нос, проходя от одной двери к другой. – Что за дверь? – спрашиваю я, подходя к следующей двери, расположенной на другой стороне коридора.

– L24, – отвечает бот.

– А есть какое-нибудь специальное применение для этой лаборатории?

– L24 – беспозвоночные организмы.

И я пишу «Беспозвоночные организмы» на самой двери и оставляю обозначение L24. Возвращаюсь к предыдущей и спрашиваю:

– А у этой какое применение?

– L25 – подводные растения.

– О как! Ну, интересно-интересно, – озвучиваю свои мысли, подписывая дверь. Потом возвращаюсь к трупу, беру его за ногу и иду к следующей двери.

– Это что за дверь? L23, так?

– Да, – отвечает робот.

– Ну, давай, самостоятельно говори, для каких целей она здесь.

– Здесь хранятся образцы с Земли. Доставлены сюда в состоянии анабиоза.

– Что за образцы? Есть конкретная информация? – спрашиваю я.

– Вам необходим полный перечень данного хранилища?

– Да!

– Вы можете найти его в отчетах капитана, в главном компьютере на мостике.

– Проклятье!.. Ну, ладно... – произношу я, подписывая дверь.

Потом хватаю труп за ногу и иду дальше.

– Вы подошли к отсеку L22. Исследовательская лаборатория вирусологии.

– Чего?!

– Вирусов различных заболеваний. Вход строго в герметичном костюме.

– Кому могло понадобиться изучать болезни в космосе?! – спрашиваю я, но не получаю никакого ответа.

«Хотя, если задуматься, то Земля уже продемонстрировала, кому и в каких целях. Вирус – отличное оружие и отличное коммерческое вложение со стороны здравоохранения... Сами придумали антивирус, вирус, а потом установили ценник на лекарство в рамках монополизированного предприятия. Шикарная схема по заработку денег», – все это мелькает в моей голове, пока я подписываю, а потом перехожу к следующей двери.

Тут мне становится непонятным отсутствие света внутри данной комнаты.

– Что там?

– L21. Микология. Внутри поддерживается необходимый климат. Вход строго в герметичном костюме.

– Что?! Микология?! Это что вообще такое?

– Микология – наука, изучающая грибы. Включить свет?

– Да, включи, посмотрю, что там, – и свет включается, в комнате воцаряется мрачное освещение, и я могу посмотреть сквозь стекло. – А почему так тускло?

– Для поддержания микроклимата, – отвечает робот, а я присматриваюсь к тому, что находится внутри. Плесень плотно обволокла стены.

– А там вообще находиться можно? – задаю я больше риторический вопрос, причём не кому-то конкретному, а Вселенной в целом, но система станции «Галактика» не умеет распознавать интонации и эмоции. Она только примерно знает о том, где я нахожусь.

– Да, – сухо начинает она перечислять считываемые показания комнаты. – Температура пятнадцать градусов, выше нуля, влажность выше средней, практически все время сохраняется отсутствие света. С периодичностью в каждые четыре часа, согласно заданной программе, на два часа процент освещенности помещения меняется с одного процента на двадцать пять.

– Кажется, там скоро появится полноценная жизнь... – произношу я с брезгливостью, делаю пометку на двери и отправляюсь к следующей.

– L20. Растения экваториального климатического пояса.

– Что?! Почему экваториального климатического пояса? Есть ли какая-нибудь логика в распределении комнат этого коридора? Почему после экватора грибы и прочая чушь?!

– Я не располагаю такой информацией, – отвечает робот. –

L19. Растения субэкваториального климатического пояса.

...L18. Растения материкового тропического климата.

...L17. Растения океанического тропического климата.

...L16. Растения сухих субтропиков.

...L15. Растения средиземноморского климата.

...L14. Растения субтропического климата восточных берегов планеты Земля.

...L13. Главная исследовательская лаборатория. Поддерживаемая температура – двадцать пять градусов Цельсия. Влажность воздуха – шестьдесят пять процентов. Система циркуляции воздуха работает исправно. Посторонних загрязнителей не обнаружено.

– Отлично... значит, мне сюда, – произношу я и нажимаю пальцем на кнопку открытия двери. Она с мягким шипением открывается, и передо мной появляется настоящий оазис.

– Эдем! – произношу я шепотом. – Такое ощущение, что я все же нашёл рай, который находится выше небес, – продолжаю нести чушь. – И в этот рай я привношу из лимба одну капельку смерти... чтобы избавиться от неё, выкинув даже

не в ад, а просто в бесконечность, – говорю я, проходя мимо каких-то карликовых деревьев или кустов, но получаю удовольствие от нахождения здесь.

Здесь такой прекрасный воздух!

– Ну что, мой друг, ты готов к вечности? – спрашиваю я труп. – Скоро ты покроешься тонкой корочкой льда, все твои обитатели заснут в анабиозе, и вы все вместе очутитесь там, где вас не постигнет ни время, ни гниение...

Сказав это, я и сам чувствую холод и бесконечность. Не смерть, а именно бесконечность. Она предстаёт передо мной в образе старшей из трёх сестер, и тут я осознал, что Жизнь, она ведь играет со второсортными игрушками... что мы второй сорт самих себя, использованные... Что первое издание нас попадает в руки Бесконечности, и она крутит и вертит нами и нас как ей захочется, и никто... НИКТО не в силах ей противостоять в этом!

Потом она кладёт надоевшую партию игрушек на стол, за которым сидит Жизнь.

В этот момент мне представилась эта картина, и мне стало не по себе. Почему-то две старшие сестры приходят ко мне в облике инвалидов. Самая старшая – слабоумная, именно поэтому она играет с игрушками в её возрасте. Она неразумно обращается с ними, и, в итоге, когда куклы и солдатики попадают на стол к Жизни, они уже потрёпанные, а некоторые сразу обладают недостатками.

Потом Жизнь. Девочка, которая озлоблена на существо-

вание... Единственное место, где она может полноценно играть, – за столом. Все потому, что ходить она не может, совсем. По этой причине она издевается практически над всем своим богатством и потом отдаёт самой маленькой из сестёр даже не игрушки, скорее, жалкие останки. Мы проходим через три пары рук, и только последние бережно укладывают на полочку... Все потому, что младшая из сестёр волочит на себе тяжкое бремя заботы о двух старших. У неё нет свободного времени на игры, тем более, в поломанные игрушки.

– Меня окружает зелень живой планеты, меня окружает иллюзия, созданная руками мертвых, меня окружает обречённость... Ко мне подкрадывается тонкая фигура голода... – бормочу себе под нос, подготавливая отсек для выброса мусора.

В этот момент перед моими глазами лениво проплывает муха. Она шевелит крыльями, и то, как она передвигается в невесомости, больше напоминает, как рыба работает хвостом под водой.

– Муха? – мой удивленный голос оставляет отпечаток на записи. – Что здесь делает му... точно! L23 – там хранятся какие-то организмы в анабиозе.

Смотрю вверх. Впервые поднимаю взор на потолок и вижу, насколько много всякой мелкой живности было выведено здесь для проведения экспериментов. Все они безвредные, и их очень, их **ОЧЕНЬ** много, и каждая малявка не понимает происходящего.

– В какой-то мере и степени остались только мы, – начинаю смеяться я. – Я и кучка насекомых! Может быть, конечно, тут есть парочка мелких рептилий, но как же это забавно... я и кучка насекомых! Я тоже насекомое, попавшее в эксперимент... Правда, у этих мелких тварей куда больше вариантов выжить, нежели у меня! – говоря все это, я громко смеюсь и запихиваю труп, заполненный живностью, в отсек утилизации. – А ведь я тоже просто мусор. Конечно, я могу послужить материалом для жизни более мелких форм жизни, но нет... этому не бывать... я буду эгоистом, но не богом, породившим жизнь.

Окончательно запихнув труп в отсек выброса мусора, я в последний раз смотрю на него, даже мысленно прощаюсь с тем парнем, даже несмотря на то, что мы не были знакомы. Смотрю на него, как на своё самое большое разочарование, на несбывшуюся надежду. И нажимаю на кнопку. Ещё через секунду я уже смотрю на то, как он плывет в вязком пространстве открытого космоса.

– ...Я буду эгоистом, но не богом, породившим жизнь из собственного тела... и я не позволил окончательно сделать это другому, – произношу я после повисшей в атмосфере этой лаборатории паузы. – Минус одно важное дело, – произношу я. – Теперь необходимо почистить мостик от паразитов и включить гравитацию в целях собственной безопасности.

В моих мыслях воцаряется покой. Я добираюсь до мости-

ка очень быстро. Так же быстро включаю гравитацию обратно и чувствую тяжесть. По пути я вновь нахожу пищеблок на складе, беру там пару каких-то то ли батончиков, то ли чего-то, похожего на батончики, и после активации притяжения долго сижу и ем их, стараясь насладиться. Я чувствую течение этих бесконечных минут, и мне это не нравится. Мой мир вновь поглотила бесконечность... мою игрушечную фигурку вновь использует для игры не Жизнь, а Бесконечность. Смерть же обеспокоена другими заботами, поэтому я заперт в этом дерьмовом плену. Заперт, но не сломаюсь, нет!

Закончив поедать эти, по всей видимости, уже испортившиеся батончики, я начинаю лазать по всему капитанскому мостику и пристально изучать каждый миллиметр пространства в поисках гнид. Находя, я давлю каждую из них. Когда я приканчиваю несколько, ко мне приходит мысль о том, что маленькие раздавленные тельца паразитов надо чем-то убирать или куда-нибудь складывать. Не нахожу ничего лучше, чем отправиться в крыло медицинского обслуживания.

Там я беру несколько пластиковых контейнеров, пинцет или что-то вроде небольших щипцов и медленно, делая долгие перерывы на отдых, отправляюсь обратно на мостик.

«И все же... как внутрь тела попали яйца личинок? Как там появились сами личинки?!» – думаю я во время своего путешествия туда-обратно.

Единственный вывод, к которому я смог прийти: вместе с ним одна муха вырвалась из лаборатории и отправи-

лась вслед. Потом, когда он скончался и уже начал подгнивать, насекомое каким-то образом, скорее всего через рот, проникло внутрь остывшего тела и отложило там яйца. Все остальное – быстро и просто. А я, видимо, опоздал буквально на несколько дней.

Здесь я собираю уже раздавленные и кидаю к ним живых паразитов. Не знаю, почему я сделал именно так. А потом ко мне приходит идея о том, что избавиться от маленьких попутчиков можно, но в этом нет никакого особого смысла. Поэтому я направляюсь в исследовательское крыло станции «Галактика». Там, напротив двери, на которой я написал «L13 – общая и большая», я открываю контейнер с маленькими белыми червячками, потом дверь, а затем кладу эту баночку на бок так, чтобы эти маленькие существа смогли покинуть это временное пристанище, хранящее несколько раздавленных собратьев.

– Живите... – выдыхаю я. – Пока это возможно... – продолжаю я свою фразу, а потом разворачиваюсь и иду на мостик.

Шестнадцатая

Просыпаюсь от непонятного громкого звука, напоминающего сирену. Я уже несколько дней не вёл запись. Слишком сильно устал. Слишком был занят изучением видеоматериалов станции «Галактика». Я увидел, как умерли все члены экипажа. Это произошло практически точно так же, как я увидел тогда, в бреду. Одна девушка действительно шагнула в открытый космос. Парень, тот, который был исследователем, сошёл с ума. Начал слышать голоса, бояться пространства, потом оставшихся выживших, и если бы он последовал бы примеру первой жертвы космоса, то все закончилось бы менее кроваво.

Сумасшедший накинулся из-за угла на единственную оставшуюся в мире девушку и заколол её скальпелем из лаборатории. А потом капитан корабля забил его до смерти. В итоге тот, кого я нашёл здесь, избавился от тел через отсек в багажном отделении и продолжил жить.

Я наблюдал за ним в те моменты, когда мой маленький шаттл стыковался... И, черт возьми, я его понимаю!.. А потом, когда, по идее, все закончилось, он просто уснул и на этом окончил свою партию на столе, за которым играет девочка-инвалид по имени Жизнь. Через несколько дней у меня получилось добраться до него.

Я смотрел за своими действиями, зафиксированными ка-

мерами «Галактики». В некоторые моменты в моих мозгах будто бы что-то ломалось, и я останавливался. Проходило несколько часов перед тем, как я возобновлял движение вперёд и свой монолог о вечном. Иногда я говорил в продолжение темы, иногда в моем сознании возникал совершенно отличный от прежнего монолог... Так я и понял, что камеры моего космического корабля исправны, а мой мозг нет...

Сейчас я просыпаюсь от громкого звука, напоминающего сирену. Я продираюсь сквозь сон... или нет... Я стараюсь удержать его обеими руками и делал все для того, чтобы сохранить его, остаться внутри сна, но в итоге все равно покидаю это состояние безмятежности. Меня выдергивает оттуда рука все того же громкого звука, напоминающего мне сирену.

Открываю глаза, которые устали от монитора, от видеозаписей и от просмотра последних моментов жизни человечества. Мои глаза запечатлевают все это в моей памяти. Я сам – лишь плохое хранилище данных, которые сохраняются после прохождения через кучу фильтров, несколько призм типа восприятия, эмоций и прочего. Я осознаю себя и время, в котором я очутился, но это происходит только со мной, а я не могу считаться беспристрастным наблюдателем, учитывая факт моего непосредственного участия во всем происходящем.

Я открываю зрачки, спрятавшиеся за тяжелыми веками, и первые несколько секунд они просто считывают мутную

картинку, и только после этого медленно весь аппарат глаза подстраивается под освещение и наводит резкость. Я лежу лицом на клавиатуре и понимаю, что клавиши уже отпечатались на мне сеткой. На мониторе компьютера повисло сообщение о проблеме залипания клавиш и поэтому считывание сигналов, поступающих от нажатия, временно прекращено.

Я с трудом открываю глаза, понимаю, кто я и где я, но этот звук, он бьет по ушам. Он заставляет молоточек бешено лупить по наковальне... Такое ощущение, будто бы в мою голову вбивается длинный гвоздь. Металлический, заострённый тонкий прутик постепенно проникает внутрь, сопровождая своё продвижение дичайшей болью. Все это из-за усталости, голода и этого мерзкого звука.

Переношу свой взгляд на монитор. Там горит какая-то красная табличка с белыми буквами, с большими белыми восклицательными знаками. Уже только по самому звуку я делаю вывод о том, что все плохо, но вот эта табличка на мониторе окончательно укрепляет это ощущение надвигающейся беды. Стараюсь заново навести фокус, чтобы прочесть причину, что терзает космическую крепость, дополненную моим шаттлом.

– Внимание! Опасность столкновения! Смените курс!.. Ну, хорошо, – произношу я, как бы отвечая сообщению, и в этот же миг начинаю постигать сложную науку управления своим домом. – Сколько у меня есть времени? Надо посмотреть, сколько времени у меня осталось! – выпаливаю

вслух. – До этого момента я боялся любых упоминаний о времени, но сейчас... в связи с последними событиями... согласно бортовому искусственному интеллекту, что талдычит мне несколько раз в день о продолжительности чрезвычайного положения... теперь уже плевать... – хмуро, уставши, нервозно и сбиваясь, нашептываю в микрофон моего скафандра. – А ещё я не могу выключить эту систему! Я отчетливо знаю, что потратил несколько бесконечно долгих часов на попытки отказаться от времени, но на этот раз мне это не удалось... сколько же до столкновения?! Ты можешь ответить мне на этот вопрос?! – срываюсь я на компьютер, который или не хочет делать прогноз, или просто не оснащён функцией подсчета оставшегося до столкновения времени.

Мне все это не нравится.

– Ты можешь хотя бы показать то, с какой стороны ждать удар?! – уже полностью проснувшись, уже осознав приближающийся финал, кричу я. – Что, если я смогу отвести станцию в сторону?!

Стучу пальцами по клавишам в поиске необходимой мне функции запуска двигателей. Перед глазами мелькают массивы данных. Они спускаются вниз разной длины строками. Они выглядят так до входа в компилятор. Я же вижу их в облике графической оболочки, созданной из классов, из численно-буквенных переменных, из человеко-часов, потраченных в уже несуществующем мире.

– Я же знаю, что могу отвести тебя в сторону. Хотя бы

чуть-чуть в сторону!.. Откуда приближается и что именно приближается?! Покажи мне!

Бросаю главный компьютер и подхожу к другому. Открываю систему управления камерами наблюдения. Выбираю все те, которые фиксируют события вне стекла, пластика и металла. Листаю, переходя от одной к другой. Пролистываю первый круг и ничего не замечаю.

– Может быть, ошибка или ложная, типа учебная, тревога? – проморгавшись, продолжаю смотреть в монитор с камерами наблюдения.

Начинаю прогонять ещё один круг просмотра, затем ещё один и с каждым разом всматриваюсь в картину все более пристально.

– Стоп! Вижу! Что-то действительно приближается, но это что-то как-то слишком далеко... есть немного времени, чтобы попробовать вывести «Галактику» из-под удара.

Возвращаюсь за главный компьютер и делаю все возможное, чтобы запустить двигатели и сдвинуть космическую крепость в сторону. По моим ощущениям проходит что-то около часа, как я нахожу тот самый интерфейс, необходимый мне, но от этого легче не становится. На экране повисает жирное сообщение «Запас топлива используется для поддержания жизнеобеспечения. Если вы планируете начать передвижение, сперва дождитесь дозаправки следующим космическим модулем».

«Подстава!.. Ладно, но с этим все равно надо что-то де-

лать... Я не хочу кануть в бесконечности... хорошо, что ещё есть мой небольшой космический корабль! Он спасёт меня ещё раз».

– Так... так-так-так-так... если пойду пешком, могу не успеть удалиться отсюда. Сначала отключить гравитацию, а потом валить отсюда, – произношу я в микрофон, и пальцы начинают бешено прыгать по клавиатуре.

В скором времени все мое тело ощущает легкость и вязкость космоса.

– Отлично! Теперь можно валить отсюда так быстро, как только получится! – терроризирую я микрофон. – На всякий случай надо забрать остатки припасов... я в любом случае содохну, но... но не сейчас! Буду назло жить так долго, как только получится! – мой голос записывается на один из множества жёстких дисков в моем шаттле.

Пока я добираюсь до грузового отсека космической станции «Галактика», меня мучает лишь один вопрос – какое количество данных может сохраниться... сколько памяти, какой объём был внедрен в шаттл?! Или же какой-то алгоритм компрессии позволяет хранить видеопоток с момента моего полёта по настоящее время – и ещё в придачу весь мой словесный понос... И какое же в таком случае хранилище у «Галактики»?

Там, уже на складе, собираю все, что связано с продовольствием, в большой ящик. Отсутствие гравитации сильно облегчает мою задачу. Ещё я прекрасно понимаю, что в нор-

мальных условиях я даже не смог бы сдвинуть с места такое количество всего! Здесь я просто хватаюсь за небольшие перила, которыми снабжены коридоры и комнаты, и подтягиваюсь от одного к другому, продолжая второй рукой удерживать бесценный груз.

Сирена продолжает неистовствовать, и это давит на меня тисками. Я изо всех сил стараюсь расслабиться, стараюсь не паниковать и не спешить. Мне особо нечего терять, даже мой выбор построен на упрямстве и на принципах, которые просто не дают мне вот так просто сдаться сейчас. Я в любом случае хочу ещё немного потащить по просторам холодного космоса своё жалкое существование, и именно поэтому я буду делать все, что смогу.

Останавливаюсь на перекрёстке. Мысли наполняют голову злым роем пчёл, которые жалят меня, наполняют ядом, болью.

– Если я пойду налево – попаду в свой шаттл и смогу свалить отсюда. Пути направо у меня теперь нет, на мостике Галактики мне больше нечего делать. Если пойду прямо... смогу найти обезболивающее и... антидепрессанты, – произношу я вслух.

В следующий миг мягко толкаю ящик налево, а сам направляюсь прямо, в лабораторное крыло, в пункт первой помощи.

Я дохожу до начала исследовательского крыла и там поворачиваю налево. Здесь располагается небольшой аппендикс

медицинского пункта. Здесь я начинаю искать какие-нибудь таблетки или капсулы, которые помогут избавиться от головной боли. В поисках я вспоминаю, что есть ещё двенадцать лабораторных отсеков, которые я так и не исследовал из-за отсутствия таковой необходимости. Это большая проблема для меня. Мое любопытство не даст мне спокойно существовать, и это проблема... одни проблемы... они мой мир.

Мой Мир – проблема... мне кажется, что те три сестры сейчас дерутся за мою фигурку, стоящую на столе. Бесконечность принципиально не хочет отдавать меня Жизни. Она держится за верхнюю часть фигурки, похожей на меня. Жизнь держит нижнюю часть и тянет на себя последнюю оставшуюся игрушку, так как Смерть, устав от шума и гамы, устав от постоянных споров и ссор двух старших сестёр, сгребает все игрушки в большой чёрный целлофановый пакет и утилизирует их. Несколько последних, в том числе и меня, девочки находят под старым диваном. Бесконечность довольствуется той, за которую сейчас идёт борьба. Средняя сестра тогда забрала себе оставшиеся четыре фигурки и давно превратила их в ничто. Ведь Жизнь – очень активная, несмотря на своё инвалидное кресло... Бесконечности достаточно просто созерцать. Вся игра происходит внутри её мыслей, где она свободна, где она полноценна, где нет диагноза – слабоумие...

И вот две девочки перетягивают последнюю оставшуюся игрушку, и так до того момента, пока младшая не хватается за

центр и не тянет на себя. За счёт постоянной работы и ухода за старшими сёстрами её ручки пускай маленькие, но очень сильные. Она крепко вцепляется одной рукой за туловище фигурки, похожей на меня, в другой руке она держит чёрный пакет...

Нахожу препараты. Они в подписанных контейнерах. Беру горстями и так же, горстями, закидываю в рот. Пережевываю. Горько. Ещё чуть-чуть, и чувствую, меня вырвет! Но я не прекращаю пережёвывать таблетки и капсулы. Вещества вступают в контакт со слюной и превращаются в нечто, похожее на горькую жвачку. Язык немеет. Такое чувство, будто бы в эту самую секунду вкусовые рецепторы языка, подобно предохранителям телевизора, начинают сгорать один за другим, и по истечении ещё нескольких секунд я прекращаю чувствовать ужасную горечь.

Весь этот хруст и мое чавканье навсегда останутся на записи, предназначенной для прослушивания, но которая, возможно, никогда не будет использована по назначению... Как и множество всех тех бумажек, которые выдавались и за которые бились жители планеты Земля.

– Мы гордо звали себя землянами... но разве могут быть великими те, кто уничтожили сами себя из-за неспособности договориться, из-за низменных взглядов на жизнь... В итоге даже религиозные машины управления массами не смогли ничего сделать со своими уставами, заповедями и великим таинством. Все потому, что они тоже вели постоянную борьбу

бу за души... обменивали искупление на деньги, положение, власть, территории на души... религия брала что нужно, в зависимости от способностей просящего.

И вот сейчас последний землянин находится в зоне поражения огромного раскалённого камня, пережёвывает горсть медикаментов; от горечи слюна сочится с уголков рта, он чавкает и сдерживает рвотный позыв; человек, использующий микрофон в своём космическом костюме, пытается проглотить часть получившейся мерзкой жвачки, чтобы расслабиться, успокоиться и попытаться избежать участи.

– Скоро станет легче... скоро все мои переживания превратятся в пыль, и я смогу спокойно отчалить отсюда и проволочь по просторам вселенной своё жалкое, увядающее существование ещё чуть-чуть. После стать обломком, остатком цивилизации, который уродливым куском разложений остался в космосе.

А ведь никто не хотел умирать, никто даже не мог помыслить о вымирании! Даже я, будучи уносимым огромным куском металла, пластика и стекла, не хотел и даже не думал о конце! Я захлебывался от восторга, получал кайф от каждой секунды, стоящей тысячи, десятки тысяч условных единиц! Чувствовал себя особенным!.. Стал единственным, и, поверьте, это не так круто, как кажется на первый взгляд, как может казаться кому-нибудь. Быть последним, единственным – слишком большая ответственность, которую можно взвалить на одного... или же я просто слишком серьезно и

ответственно подхожу к данному вопросу? Не знаю.

Продолжая пережевывать адскую смесь медикаментов, я покидаю кабинет первой медицинской помощи и направляюсь обратно на развилку, где оставил ящик с припасами.

Добравшись до места пересечения коридоров, хватаю ящик и направляюсь на свой небольшой космический корабль. Иногда прохожу мимо иллюминаторов, но не смотрю в них. В какой-то момент мне стал безразличен космос. Я прохожу мимо и не смотрю в них, чтобы увидеть Землю. В какой-то момент она стала безразлична мне. Обычно так смотрят друг на друга остывшие любовники. Обычно они скользят по фигурам друг друга, стараясь вновь найти те причины, из-за которых кровь становилась жидким пламенем или азотом, что погружал в вечность мгновений наедине. А сейчас этим мимолетным скольжением зрачков они считывают информацию, тратят меньше секунды на поиск причины бывшего безумия и по истечению этой самой секунды, так и не найдя той самой зацепки, опечаленные, отпускают из плена своего взора бывшую милой фигуру и безмолвно расходятся по своим делам.

Так и мы с родной планетой больше не скучаем и только иногда погружаемся в сопливую ностальгию о былом, но потом все равно приходим к тому самому мимолетному взгляду разочарования.

Так и сейчас, я прохожу мимо иллюминатора, но не заглядываю в него, но даже несмотря на это, боковым зрением

замечаю родной для себя шарик, вращающийся в вязкости космоса и... мертвый.

«Думаю, эти удары выжгли совершенно все как над, так и под поверхностью земли. Думаю, что мощь ударов была чудовищной и волны, прошедшие вглубь планеты, своим давлением убили все то, до чего не добралась температура. Что же касается воды, думаю, что она была отравлена токсичными отходами, которые за этот срок спустились даже на самое дно Марианской впадины, прекратив жизнь даже там. Единственное живое, что осталось на Земле, – редкие дожди.

Возможно – не могу утверждать, ибо это глупо- мы повторили участь планеты Марс. Там тоже все было уничтожено. И методы уничтожения, возможно, были примерно такими же и даже более чудовищными... Теперь там вообще ничего нет, даже дождей.

Возможно, чуть позже на моей планете тоже произойдёт какой-нибудь катаклизм, из-за которого все окончится. К примеру, вулканы всего мира одновременно извергнут магму на поверхность, и её будет так много, что она покроет поверхность чёрной коркой, под которой скроется жидкость. Из-за того, что из самого ядра выплеснется большое количество жидкого огня, планета начнёт остывать. Вследствие этого сокрытая под коркой вода превратится в лёд... Так может появиться ещё один гигант без атмосферы... Он будет черно-серого цвета из-за пепла, осыпавшегося на поверхность после извержений».

Вместе с этими мыслями я проплываю мимо ещё одного иллюминатора и теперь уже смотрю туда, на ту сторону, которую кусок стеклопластика отделяет от меня. Там я вижу покинутую мной планету, и сейчас она похожа на Марс со страниц учебников. Внутри у меня все съезживается до дикой боли, но длится это не больше одной секунды...

– ...Препараты хорошо справляются со своей задачей снять головную и любую другую боль, – произношу спокойно в микрофон.

Вот он, мой небольшой шаттл, который преодолел барьер атмосферы одной мертвой планеты. Он сделан руками великих людей... так же, как и станция «Галактика», которой не станет в ближайшем будущем. Части разлетятся в разные стороны и будут отдаляться друг от друга. Кто знает, может быть, в космосе тоже есть течение... какие-нибудь скоростные потоки, которые способны подхватить и унести так далеко, как сложно помыслить. Куда-нибудь к границе нашей Вселенной. Туда, где можно преодолеть плоскость нашего мира и, перевалив за край, оказаться в другом, отличном от этого месте. Но там окажется лишь обломок нашей «Галактики».

Сейчас же я врываюсь на борт своего небольшого космического судна, волоча за собой ящик с припасами. Сначала посещаю помещение, в котором расположено подобие склада с припасами и лабораторным оборудованием, которое ни разу не было использовано... и никогда не будет. По этой причине

не собираю все эти небольшие коробки, в которых сокрыты приборы, склянки и прочее, и отношу на границу стыковки шаттла и станции.

– Как оказалось, я слишком глуп для того, чтобы быть исследователем. Как оказалось, в этом даже нет смысла. Так что уменьшаем количество мусора... – вот что я говорю, отталкивая от себя собранные исследовательские приспособления. – Интересно, может ли это сойти за выкуп... ну, то есть я как бы откупился от своей участи, отдав горстку предметов, да? – задаюсь вопросом в то время, как потихоньку продвигаюсь в сторону кресла капитана. – Ну что, пора покидать это место. Сниматься с якоря и направляться туда, где я буду по-прежнему жив. Пускай не так много, не так долго и вообще не так, как того хотелось бы, но я буду говорить о себе: «по-прежнему живой», – говорю я, сидя за штурвалом – главным компьютером своего космического убежища. – Сначала надо отстыковаться, – произношу я и понимаю, что это останется на жёстком диске.

Пальцы танцуют по клавишам, переключают рубильники, но эффекта нет. Все эти звуки вместе с моей руганью тоже сохраняются, так же отпечатывается, как я пытаюсь выяснить причину, по которой мой небольшой корабль не хочет покидать это место. Он будто бы прирос, стал частью «Галактики». Такое ощущение, будто бы с этого могло бы начаться существование какой-нибудь внеземной человеческой колонии, и составлена она была бы из стыковавшихся шаттлов и

ракет. Они переплетались бы в огромный комплекс и по истечении многих лет образовали бы из себя настоящую планету из металла, стекла и пластика. Появились бы целые города, образованные работой отдельных государств, но ядром, центром этого места была бы внепланетная интернациональная исследовательская лабораторная станция «Галактика»... Это могло бы быть.

– Да, проклятье! Почему?! Почему ты не отпускаешь меня?! – кричу я на монитор главного компьютера, расположенный над штурвалом, и продолжаю танец пальцев по клавиатуре. Ещё через минуту получаю сообщение: «Перед началом операции необходимо подтверждение оператора «станции «Галактика»».

– Мне все же придётся вернуться туда, – злобно шепчу я в микрофон, отталкиваюсь от пола ногами и поднимаюсь вверх.

Сейчас я двигаюсь так быстро, как только могу. Я не хочу умирать... не так быстро... и не хочу сдаваться... так просто.

Вновь тот самый перекрёсток внутри «Галактики». Я возвращаюсь сюда вновь и вновь, вновь и вновь, как будто заперт в петле, и мне это не нравится. При попадании сюда складывается впечатление множественности, многослойности мироздания, которое включает в себя очень много повторяющихся, но разных меня. Как будто бы, попадая сюда, все эти слои, миры, жизненные линии сливаются воедино, и мое персональное сознание перескакивает к другому Мне

в другом, на девяносто девять целых и девять десятых процента идентичном, временном пространстве.

– Этот день... он такой длинный, и эта запись длится целую вечность, если сравнивать с теми, которые были сделаны раньше. Я сам, несмотря на действие обезболивающих и антидепрессантов, продолжаю адекватно взвешивать события, поток которых несёт меня вперёд и которому я не в силах сопротивляться... **НО Я НЕ БРОШУ ПОПЫТКИ!**

Прокричав последнюю фразу, я слышу, как дико трещит микрофон.

– Ничего... скоро я покину тебя, станция «Галактика». Мое второе разочарование в списке из двух позиций. Я отсоединю своё маленькое судно и свалю отсюда так далеко, насколько хватит топлива в моем турбинами оснащенном убежище.

– Вас приветствует система жизнеобеспечения и поддержки жизни на станции «Галактика». Мы терпим крушение на протяжении девятист шестидесяти семи дней. Состояние технических средств: хорошее. Состояние топливных баков: требуется дозаправка. Состояние лабораторий: микроклимат поддерживается на установленном уровне.

– Отлично! Ещё один день миновал. Я отодвигаюсь от точки, с которой начал, все дальше, и мне это нравится. Все же, и я в этом теперь уверен, Бога нет. Есть случай. Все, что происходит, – случай. Нет ни предначертанных путей, по которым мы идём. Никакого плана развития не существует. Нет

ни рая, ни ада, которыми промывают мозги. Есть лишь теории о том, как все то, что есть, «есть», и они основываются на возвращении по запертым тропинкам назад к каким-то событиям. Само существование – случай.

На самом деле, это лишь очередная глупая догадка. На самом деле, и, сейчас я честен, мне нет до этого дела. Я просто начал получать удовольствие от болтовни. Не важно, что и о чем, но я буду гнать пургу, чтобы слышать свой голос. Конечно, я могу выдвинуть одну, две, три, десяток теорий о личностном расстройстве и о том, что мне необходимо слышать хоть какие-нибудь звуки, чтобы быть уверенным в способностях слышать и говорить, но... на самом деле, я просто буду получать удовольствие от разговора ни о чем. Тем более, я ощущаю наличие диалога с вами, слушатели. Как будто бы мы общаемся по телефону. Я что-то постоянно увлечённо рассказываю, а вы, как добрый друг, слушаете... Хотя втайне, возможно, уже мечтаете, что я наконец-таки положу трубку и окончу этот диалог, затянувшийся в монолог.

Так... открыть консоль. Ага... запросить разрешение на отсоединение корабля от станции. Да. Да, я хочу разрешить это действие... Что?.. То есть как? – говорю я, сидя за пультом. – То есть шлюз закрыт, и все, я могу покидать «Галактику», так? – мой голос полон недоумения, непонимания, да же не смотря на то, что я уже все понял. – Да ну! Не, это бред! – произношу я, после отталкиваюсь руками от кресла и поднимаюсь вверх.

Добравшись до двери, ведущей в коридор, я разворачиваюсь и направляюсь обратно к компьютеру.

«Сколько ещё времени? – думаю я в тот момент, пока открываю интерфейс управления камерами. – Ещё есть немного...» – сейчас я отчетливо могу увидеть, насколько быстро движется эта космическая глыба, и понимаю, что времени действительно не так много.

Быстро покидаю мостик капитана и изо всех сил начинаю двигаться туда, в сторону стыковки. Единственное, что фиксирует микрофон, – мое тяжелое дыхание. Иногда я ругаюсь, иногда начинаю нести несовместимый, связный бред обо всем. Это тоже останется цифрами и волнами на носителе. Это то, что останется после меня, но никогда не будет использовано, чтобы приоткрыть часть истории третьей планеты, пропущенную сквозь призму одного пристрастного и далеко не самого грамотного представителя.

В любом случае, сейчас я двигаюсь так быстро, как не двигался очень давно. Чувствую, как зашкаливает пульс. Капельки пота собираются у меня на лбу каскадом сверкающих упругих пузырьков, которые отсоединяются от меня с каждым резким движением. Кажется, уровень сахара в крови сильно упал. Голова начинает болеть и кружиться, но я не могу остановиться. От этого зависит слишком многое.

Я цепляюсь руками, подтягиваюсь и отталкиваюсь в следующий миг. Так, преодолевая космическое пространство, я продвигался вперёд к месту стыковки. Внутри меня бушу-

ет много чувств одновременно. Я слишком сосредоточен на преодолении своего пути. Одышка мешает мне прибавить скорости... я задыхаюсь и понимаю, что если прибавлю оборотов, то мое вконец ослабевшее тело сломается.

«Я настолько слаб, что передвижение вне гравитации приносит мне проблемы и дискомфорт! Я ужасен! – думаю я, слушая, как свистят мои лёгкие. – Наверное, примерно то же самое чувствовали курящие алкоголики в попытках быстро сгонять за чекушкой и утолить жажду, – мелькает в моих мыслях. – Я спустился на самое дно... за эти, сколько там было?! Девяносто шестьдесят семь дней вроде. Вот за это время я перестал быть тем, кто покинул родной дом, и, если бы вдруг выяснилось, что я могу вернуться домой, я бы не выдержал бы обратную дорогу... нет, я бы дотянул до атмосферы! При условии, что на это хватило бы топлива, но, начав погружение в воздушное пространство, почувствовав на себе весь вес гравитации, я бы сломался бы... уверен в этом!»

Я думаю обо всем об этом по пути к месту стыковки, которое сейчас кажется невероятно далеким, практически недоступным местом во всей галактике. А ведь я двигаюсь всего секунд двадцать, может, тридцать, от силы сорок! В обычном темпе я добираться до этого места минуты за три... в гравитации минут за десять, пятнадцать, но только потому, что мое тело совершенно ослабло.

Капельки пота отстают от моего лба и остаются в про-

странстве. Так можно отследить мое передвижение, но этого некому сделать. Я тяжело дышу в микрофон, и это навсегда останется на винчестере.

– Навсегда... «Навсегда» не существует, – срывается фраза с моих губ и тоже пропадает там, где нет этого самого «Навсегда». – Ну что, пора валить отсюда.

Я подхожу к той самой двери, что соединяет два космических объекта. Я нажимаю на кнопку, которая должна открыть дверь и выпустить меня, но ничего не происходит. Жму ещё раз, и ещё раз, и ещё... и понимаю, что мое предположение подтвердилось.

– Нет! Серьёзно?! СЕРЬЁЗНО?! – раздаётся мой голос по пустым коридорам «Галактики». – Вы издеваетесь?! Да как так?! – я рву глотку в возмущениях и понимаю, что ничего не могу сделать. – Вот почему? Точнее, я понимаю для чего, но ПОЧЕМУ сделали именно так?! И это риторический вопрос! Почему алгоритм системы безопасности блокирует эту дверь при начале стыковки или же во время отсоединения от станции?

И тут я вспоминаю проблемы, связанные с тем, когда я нашёл эту космическую крепость и не мог на неё попасть. Я вспоминаю тот момент, когда струя остаточного воздуха пихнула меня в грудь и чуть не выкинула в открытое пространство. Тогда оставшийся в живых капитан открыл мне дверь, но я не успел с ним встретиться.

– И? Что мне теперь делать? Я могу гулять по двум кос-

мическим станциям: маленькой и просто чертовски огромной! Могу сойти с ума, к примеру, или вытворить какую-нибудь лютую дичь... могу самостоятельно уничтожить все, что здесь есть от злобы, которая в данный момент переполняет меня. Могу пойти и выпить какую-нибудь дрянь в лабораториях или съесть все таблетки без разбора и прекратить своё существование от передозировки... Мне подвластно все, кроме времени, которого у меня все меньше и меньше.

Я застываю посреди коридора, перед стыковочной дверью, и не двигаюсь. Пытаюсь понять – что же дальше? А никакого «дальше» больше нет. Если бы была бы включена гравитация, я бы просто сел бы на пол, наверное, на этом все. Наверное, на этом все закончилось бы. Я просто покорно начал бы ждать конца. Но я думаю, что все же ещё раз в своей жизни я хочу почувствовать своим тело то давление, которое было дома!

Так я отправляюсь обратно на мостик капитана. Я понимаю, что когда будет включена система притяжения, придёт смирение, а за ним и легкость. Я самостоятельно отпущу непонятно откуда взявшийся и неизвестно зачем нужный груз ответственности, что давит на плечи и вжимает меня в жизнь наподобие того, как палец вжимает муравьишку в землю.

И вот я сижу в кресле уже мертвого капитана станции «Галактика». Здесь тихо. Здесь тише, чем в гробу, я уверен в

этом. Я сижу и смотрю в лобовое стекло, и каким-то образом, согласно какому-то стечению обстоятельств, сейчас я смотрю на тот самый приближающийся ко мне огромный космический камень. Эта глыба появилась неизвестно где и как, но она нужна здесь, чтобы стереть меня из существования. Будто бы мать или отец тех самых девочек сказали младшей устроить полномасштабную уборку, потому что увидели огромную коллекцию мусора. Недолго думая, он решил, что от «этого» надо срочно избавиться, и начал зачистку... а «завтра» у старших дочек появится новый, а главное, целый набор игрушек. И все будут жить долго и счастливо! До момента, когда все «новые» станут старыми и до той самой секунды, пока старший не посчитает, что пора со всем завязывать. В ту самую минуту произойдёт подобное тому, что произошло с нами. А я и экипаж «Галактики» оказались под диваном, и играют с нами на самом деле в ожидании новых игрушек.

Я сижу в кресле капитана и чувствую, как глаза закрываются. Все съеденные обезболивающее и антидепрессанты наконец вступают в полную силу, и меня начинает клонить в сон. Веки становятся весом с бетонные плиты. Я могу сидеть в этом кресле из-за ремня, которым я приковал себя. Наконец, момент последнего взгляда на булыжник уходит в историю так же, как в скором времени должен буду кануть и я. Пальцы вновь начинают танец по клавишам клавиатуры. Так я начинаю воплощать в жизнь своё, пускай глупое, но

все же последнее желание.

И вот тот самый последний момент. Я должен нажать всего одну клавишу, чтобы подтвердить включение системы гравитационного притяжения, но я сижу и намеренно этого не делаю. Я жду какого-то особого момента для того, чтобы сделать. Мои нервы напряжены как у музыканта, который ждёт начало нового такта, чтобы начать играть очень важную партию песни. Вот так я просто сижу и жду, и надеюсь, что все сомнения, все беды и прочее исчезнут. Я полагаю, что моя жизнь закончится вместе с легким нажатием на одну маленькую клавишу на клавиатуре. Что вместе с этим до меня наконец-таки дотянется маленькая девочка по имени Смерть и вырвет из рук Вечности и Жизни. Но я просто сижу и жду чего-то, причём мое ожидание осознанно, но вот чем оно вызвано, вот это загадка.

И так я сижу около минуты. Все это время мой взгляд прыгает с клавиатуры на приближающуюся глыбу и обратно. Такое ощущение, будто бы я о чем-то забыл или что есть что-то такое, что я ещё могу сделать в этой ситуации. Я сижу в крошечной тишине. И это давит на меня. Ещё через мгновение все становится кристально чисто, становится ясно, почему я все ещё не включил силы притяжения на станции «Галактика».

Я вновь смотрю на огромный камень, надвигающийся на меня, вновь смотрю на клавиатуру, на монитор главного компьютера, а потом убираю руку в сторону. Теперь я точно

знаю, что должен сделать. Пускай это не принесёт никакого толка, в этом не будет особого смысла, но я обязан сделать это и закончить свою жизнь вместе с существованием человечества.

Для начала я делаю отмену вызванной функции, потом вношу кое-какие изменения, расстёгиваю ремень безопасности, отталкиваюсь двумя руками от подлокотников кресла и поднимаюсь вверх. У меня есть ещё одно, последнее дело, которое необходимо выполнить.

Семнадцатая запись

– Вы слышите какие-то удары, скрежет... Не буду говорить о том, что происходит, просто потому, что это раскроет все мои карты. Единственное, что я хочу сказать: я вернулся на свой небольшой шаттл. Это последнее, что я смогу сделать, и, наверное, после этого я активирую гравитацию именно здесь.

Да где же... Пш-ш-ш... ну... главное – аккуратно... Так, о чем я... А, точно! Может быть, моя жизнь и существование были ничтожными... Может быть, все человечество было слишком глупым для существования... Я даже не буду отрицать варианта с плохим сном, который вижу я или кто-то другой видит.

Пш-ш-ш... ай! Ммм... порезался как-то... не везёт... не везёт мне...

Ага! Вот ты где!

Все закончится сейчас.

Только сейчас понял, что мне придётся вернуться на «Галактику», а перед этим сделать ещё кое-что.

Проходит примерно полчаса с последней записи.

– Теперь я точно готов. С помощью того самого ящика с припасами я заблокировал дверь стыковочного отсека. Так я точно вернусь на «Галактику».

Вот теперь точно все! Я готов выкинуть жесткий диск в открытый космос и сохранить на нем крупицу информации. Сейчас я отключу его от компьютера. Прощайте...

Послесловие

– Охуительно! Просто БОМБА! Мы порвём этим всё, всех и вся! – кричит в мегафон режиссёр картины в то время, как меня спускают с троса и убирают зелёный экран.

– Я рад, что вы довольны, – говорю я. – Это была действительно хорошая работа, но у меня есть вопрос, на который мне так и не ответил сценарист.

– Какой такой вопрос? – спрашивает режиссёр.

– А в чем смысл картины? Почему главный герой просто выбрасывает жесткий диск, и после этого ничего не происходит?

– А какая, нахуй, разница? – спрашивает режиссёр.

– Не знаю... Чтобы произведение было законченным.

– Поверь, сынок... Это никому не нужно. Самое главное то, сколько мы сможем заработать на этом. «Человеги» сами додумают концовку, ещё и анекдотов насочиняют по этому поводу... Такова натура. Так что выкинь всю эту чушь про смыслы из своей головы, – отвечает режиссёр.

– Про додумать я с вами согласен, – отвечаю я.

– Самое главное заключается в том, что мы сняли замечательный... Нет, ОХУИТЕЛЬНЫЙ фильм! Остальное, знаешь... Остальное лирика.

Мысль быстрее звука. Скорость мысли практически равна

скорости света. Эта мысль о съемках посредственного фильма – предпоследнее, о чем я успеваю подумать до того, как кануть в вакуум. Я даже не слышу, как станция «Галактика» превращается в кучу космического мусора, оставленного после себя человечеством. Последним же становится другая мысль. Очень простая. Всего несколько слов: «Прощай, Мир! В смысле, за все, что было, прости».